

12+

Владимир Гуляев

Секрет арифмометра

Владимир Георгиевич Гуляев

Секрет арифмометра «Феликс». Рассказ с элементами фантастики

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42648914
SelfPub; 2019*

Аннотация

Владимир неожиданно попадает в свое детство на 50 лет назад. Встречает самого себя семилетнего. Так же неожиданно возвращается в своё время, пробыв в прошлом 4 часа. В настоящем времени прошло всего около 1 минуты...Потом Владимир оказывается в прошлом за две недели до своего рождения, затем в 1947 году, где встречается со своим дедом...

«Секрет арифмометра «Феликс»»

имя автора – Владимир Гуляев

e-mail: vladimir.gulyaev.57@mail.ru

место проживания: 656065, г. Барнаул, ул. Жасминная.2а

телефон для связи – 8-902-997-7920

Секрет арифмометра «Феликс»

(рассказ с элементами фантастики)

Глава 1

На улице стояла сырая и пасмурная погода, осенний морозящий дождь выстукивал морзянкой по оконному стеклу о том, что вот-вот должен выпасть первый снег, который отбелит городские улицы толстым пушистым слоем иссиня-белого цвета.

В комнате было тепло и тихо, спокойное и размеренное тиканье настенных часов действовало успокаивающе. Жена на кухне смотрела очередной сериал и шила на ручной швейной машинке новогодние костюмы внукам.

Владимир закончил, наконец-то, редактировать сказку про «Муравья-героя», которую они сочинили с внучкой почти пять лет назад, придумывая маленькому муравью разные приключения. Тогда она казалась им вполне нормальной сказкой, с законченным сюжетом и без явных ошибок. Но прочитав её недавно, он понял, что кое-что в ней нужно

подправить и изменить. И вот сегодня он поставил точку в сказке, перечитал её раз, потом, распечатав «правленный шедевр» на принтере, прочёл его ещё разок.

«Как муравей нашёл «себя» и стал героем!»

Однажды в одном лесном муравейнике появился на свет маленький муравей с белым пятнышком на спинке. Подобное явление в муравьиной истории было один раз – очень давно: много-много времени назад с такой отметиной жил в их стране воин – герой по имени Мур. Он был отважный и справедливый, поэтому и помнили о нем всегда, и из поколения в поколения рассказывались истории про его подвиги. В надежде на то, что этот муравьишка тоже будет умным и смелым, взрослые муравьи называли малыша именем – Мур.

Маленький Мур, вместе с другими муравьишками, первое время изучал жизнь большого муравейника, а муравьи – учителя присматривались к ним, и определяли, кто из них кем будет. Мур, узнав легенду о воине-герое, тоже решил стать воином, и не просто воином, а настоящим героем».

«Ну что же, вроде бы неплохо, неплохо получилось! Наверное, – подумал Владимир и отклонился на спинку кресла-качалки, глядя на книжные полки. – Да, смотри-ка, как время бежит быстро, уже пять лет пронеслось».

Его взгляд остановился на стареньком арифмометре, оди-

ноко стоящем возле книг, вроде бы как из «другой оперы». Он был куплен недавно на блошином рынке как память о школьной и студенческой юности. Тогда ещё не было не только компьютеров, но и калькуляторы имелись только в бухгалтериях крупных организаций, а в менее крупных конторах разные математические расчеты производились на счетах методом бряканья, передвигаемыми костяшками. В школах и институтах менее сложные расчёты выполнялись в уме или на промокашке, а более сложные – на доступном чуде науки, логарифмической линейке.

Взяв в руки этот «доисторический предмет», Владимир обратил внимание на дату его изготовления – 22 мая 1957 года! Покупая его, он даже и не глянул на дату – ну ностальгия, ну старая вещь, ну на память о прошлом... А оно вот даже как!

«Интересное дело, ведь ему уже 59 лет! Одногодки мы с ним, значит! – Подумал он. – Быстро же время пронеслось! Пятьдесят девять – это не десять лет! Вот уже и дочь с сыном выросли, внуки уже в школу ходят. А вроде бы всё вот только что было, и совсем ещё недавно сам учился в школе. Да. Хорошие были времена! С удовольствием бы хоть одним глазком заглянул в те годы!»

После необычного совпадения с датами, Владимир решил немного освежить в своей памяти знания об арифмометре, для чего набрал в ноутбуке данные машинки. Благодаря прогрессу ответ был получен почти сразу:

*«Арифмометр "Феликс",
заводской № Н57419,
выпущен 22 мая 1957 года.
Изготовитель: завод "СЧЕТМАШ"
ГЛАВТОЧМАША МП и СА СССР
Описание арифмометра...»*

«Да, интересное, все-таки, устройство! Помнится, что хотелось разобрать его и глянуть, что же у него там внутри и как он считает этот «железный Феликс»? На дипломе-то мы производили на нём довольно-таки сложные вычисления: умножали, делили, возводили в разные степени. А вот как он устроен и как работает сейчас уже без инструкции и не вспомнить».

Владимир произвольно провёл рукой по корпусу машинки и, не задумываясь, набрал рычажками цифры – 2-2-0-8-1-9-6-4, потом медленно крутанул несколько раз ручкой и неожиданно для себя услышал позвякивание и постукивание внутренностей арифмометра, показалось, что аппарат слегка завибрировал, а ручка стала чуть теплой.

Откуда-то сбоку послышался лёгкий, тонкий звук, похожий на звук колокольчика «дзи-нь-нь»! От неожиданности Владимир даже глаза прикрыл на мгновение и тут же почувствовал, что он стоит на полу, а не сидит в кресле.

Он стоял на лестничной площадке в подъезде какого-то

дома...

Этажами выше щёлкнул дверной замок и кто – то вышел из квартиры:

– Я на улицу пошёл, с пацанами футбол погоняем.

Звонкий мальчишеский голос почему-то ему показался знакомым. Владимир замер в ожидании невероятного: он с трудом, но начал понимать, что каким-то образом очутился в подъезде дома, который как две капли воды был похож на подъезд его детства в городе Норильске! Но, этого не могло быть, он только что, сейчас сидел в кресле у себя дома, в Барнауле!

«Мистика какая-то! Или сон! Да сон, конечно сон, точно – сон...»

И «в этом сне» к нему быстро спускался, перепрыгивая через ступеньку... Владимир! Нет, не сегодняшний пятидесятидевятилетний он, а он – ещё маленький Вовка, лет семи-восьми! Владимир непроизвольно закрыл глаза на секунду и прислонился к стене спиной.

– Здравствуйте! А вы кого-то ищете?

– Да... вот... к знакомым пришел... а их, видимо, дома нет.

– Ясно. Наверное, в тундру ушли ягоду собирать.

– Наверное.

– А здоровская у вас куртка, яркая такая. – Сказал Вовка и ускакал вниз к выходу на улицу.

На улице послышался рев мотора мотоцикла, вывернув-

шего из-за угла дома. Владимир увидел в окно как мотоцикл, управляемый явно пьяными парнями, виляя, пронесся на большой скорости возле крыльца подъезда, из которого сейчас должен будет выбежать Вовка. Да, вон он, Вовка, выскочил из подъезда и схватился за перила, собираясь перепрыгнуть через них как всегда, но резко и вовремя остановился.

«Что же это произошло-то такое?» – Владимир больно ущипнул себя правой рукой за ухо. – «Больно блин. Что это за сон такой странный? Да и больно во сне не бывает. Страшно бывает, а больно – нет! Значит не сон, а что же тогда?.. Неужели...» – Догадка о невероятном, фантастическом и невозможном, перемещении во времени и пространстве мелькнула и закрутилась в голове: «Это как же так? Это что же получается? Я набрал цифры 2-2-0-8-1-9-6-4 – и это год? И месяц?! И число что ли – 22! Не может быть! 1964 год 22 августа!» И тут Владимир вспомнил, что тогда в том далёком 1964 году в конце августа всё происходило именно так:

«С улицы, через открытые форточки, доносились веселые крики друзей. Вовка быстро оделся, обул кеды и выскочил из квартиры. Ему вслед крикнула мать:

– Вовка, ты далёко?

– Я на улицу пошёл, с пацанами футбол погоняем.

Вовка вприпрыжку спускался по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Четвертый этаж, третий, второй. На площадке между первым и вторым этажами, возле почтовых

ящиков, стоял дядька в спортивном костюме с ярко-красной курткой. Спросив тогда что-то у незнакомца Вовка, не дожидаясь ответа, быстро спустился вниз и, выскочив из подъезда, неожиданно увидел возле крыльца мотоцикл. Обычно он лихо перепрыгивал через перила и бежал вприпрыжку на школьный двор, где постоянно собирались друзья и дворовые пацаны для игр. Но сегодня, то есть получается что тогда, совершить лихой прыжок ему помешал этот мотоцикл, который с ревом пронесся на большой скорости возле крыльца, миновал двор, поднимая пыль, и скрылся в арке дома. И вот сейчас, стоя у окна и глядя на стоящего внизу «себя», он ясно вспомнил то, о чём тогда подумал: «Если бы я не остановился возле того дядьки с расспросами, то мог бы как раз попасть под этот дурацкий мотоцикл! Бр-р-р!»

«Да, блин, именно так оно и было! И мужик стоял на площадке, точно – стоял! Я ещё подумал: «Какая у этого дядьки красивая ярко-красная куртка! Таких ярких курток я и не видел!» Значит, получается, что я видел не незнакомого мужика, а самого себя сегодняшнего! И про промчавшийся возле крыльца мотоцикл я подзабыл, а вот сейчас, увидев, вспомнил. Неужели получается, что я, не задержавшись тогда на несколько секунд возле себя сегодняшнего, мог бы попасть под мотоцикл? Стало быть, и попал я сюда для того, чтобы спасти самого себя!?! Ну, дела!.. Как это возможно? Фантастика! Хотя вполне реально, переместился, спас и пора домой! Ха-ха!

Вот тебе и ха-ха, но как всё-таки это произошло, как получилось так, что я оказался здесь? Как это перемещение в прошлое смогло произойти так запросто? Неужели всё дело в арифмометре? Ерунда какая-то!» – Думал Владимир. – «Нет, здесь дело в чём-то другом! Может всё-таки это сон? Глубокий сон! Или, правда, перемещение! Вот так просто – бац и переместился!? Даже и без «бац», а просто раз – был там, стал вот здесь! Нет, так просто не бывает! Должно что-то быть. Ведь для того, чтобы куда-то переместиться в пространстве, да ещё и во времени, нужен определенный портал с мощным энергетическим полем! Должны быть какие-нибудь необычные явления, отклонения, предшествующие этому, аномалии какие-нибудь, странности!

В своём доме мы прожили почти десять лет и никаких отклонений и необычностей не происходило. Видимо, что-то где-то сдвинулось в космосе или внутри Земли, может быть! Должна же быть причина! Ну не «Феликс» же стал причиной подобной аномалии! Хотя... Кто его сегодня знает, что может стать причиной чего-то, а что следствием. Вон, в мире и космосе, сколько странностей происходит! Но, как со мной такое произошло? Если всё дело в «Феликсе», а он остался там дома, как же мне вернуться назад? Не оставаться же мне здесь навсегда, да и где здесь оставаться: без документов, без жилья! Да и жил я здесь уже! И сейчас один «Я» здесь уже живёт и значит второму места нет! Только в психушке найдётся местечко, скажи кто я и откуда! Не поверят! А за психа

примут точно, либо за шпиона! Город-то закрытый – пограничная зона считается! Да, больш-о-ой парадокс, получается! Или получился!»

Владимир оглядел себя: «легкие кроссовки без шнурков, спортивные брюки, красная спортивная куртка с гербом СССР на спине, футболка с рисунком из мультика «Трое из Простоквашино» и надписью «А ещё я на машинке вышивать умею!» Вся его экипировка была явно не по времени! Просто подобных вещей тогда ещё не было, не производили! Вот попал, так попал! То-то Вовка так посмотрел с удивлением на мой «прикид»! Хорошо хоть не босиком! Что же делать дальше-то? Куда двигаться? Прямо как в «Джентльменах удачи»: «Уходить надо, а то заметут нас здесь!..»

Потоптавшись немного в подъезде, Владимир вышел на улицу и, опёршись на перила, с интересом и какой-то грустью оглядел двор своего детства. С десятка полтора пацанов, в том числе и Вовка, пылили с мячом на школьном поле возле новой школы, а в разных местах большого двора несколько групп из девчонок играли в классики и прыгали на скакалках, отдельные кучки мальчишек «резались» в «пристенки» и «в ножички», кто-то играл в «пекаря». Как бы это было невероятно, но от всего увиденного повеяло теплом и радостными воспоминаниями. «Ну, что же, раз такое получилось, значит, так должно и быть. Поглядим, куда кривая выведет!»

Вновь построенная школа, в которую он в тот год пошёл в

первый класс, была почти готова к приему учеников. Видно было, что шли последние отделочные работы: строители сушились возле школьного крыльца, разгружая коробки из машины, видимо с краской и кафельной плиткой, а в окнах на разных этажах мелькали фигуры женщин, моющих стекла.

Странное было ощущение: тебе уже под шестьдесят, а через 10 дней ты пойдёшь в первый класс! И сейчас вон он ты же стоишь в воротах на футбольном поле школьного двора! Мурашки пробежали по спине от происходящего...

И мысли с воспоминаниями с особой ясностью всплыли из подсознания: «Да, тогда было всё просто! А может и казалось, что всё просто и правильно: зима сменялась весной, а летнее солнце сильно грело и светило ярко даже в такое очень короткое и дождливое северное лето, которое быстро переходило в такую же короткую осень. А осень несла долгожданный праздник 1-го сентября, праздник школы и, особенно, для первоклашек! Вовке тогда очень хотелось в школу, он ещё не знал, что там будет в школе, но чувствовал, что всё будет нормально и здорово: он научится хорошо читать и писать, он...он!

Воспоминания вихрем пронеслись в голове.

«Да, детство и школьные годы – это особая пора жизни, которая заполнена такими бурными событиями и постоянными, ежеминутными изменениями и волнениями, каждодневными преобразованиями и каждодневным познанием чего-то нового и доселе неизведанного», – подумал Вла-

димир. – «Но ещё более волнительные события произошли сейчас! Ни денег, ни жилья!

Ведь и на самом же деле не придёшь сейчас к отцу с матерью: «Здрасьте, я – ваш сын! Заблудился тут во времени!..» Абсурд! Да они ещё и младше меня на четверть века: если сейчас 1964 – то отцу, получается – тридцать пять, а матери – тридцать один! А мне – пятьдесят девять! Так они мне сейчас в дети годятся, а я, тот Вовка, внуком самому себе! Парадоксище! Интересно, а сколько же времени прошло у меня здесь и там – дома? Полчаса. Да, скорее всего полчаса. Поди, уже хватились меня искать: жена на сотовый звонит, а сотовый-то там остался, дома. Сотовый есть, а меня в кресле нет! Вот шоковая ситуация! Блин! И ведь не сообщишь, что я тут! Прямо как в кино «Назад в будущее». Знал бы, что такое случится, то хоть советские деньги из коллекции прихватил бы!

О, кстати, тогда помнится я, стоя в воротах, поглядывал мельком на крыльцо где стоял тот дядька, то есть – я, а потом вышел отец и мы с ним о чём-то поговорили и ушли. Интересно будет так или нет?»

Из подъезда вышел... отец с бидоном.

Поздоровался:

– Здрасьте!

«Блин! Всё так! И отец!.. Живой!.. Молодой!.. Точно, тридцать пять ему здесь. Одет как всегда с иголки: в костюме и при галстуке... С бидоном, значит суббота сегодня,

наверное за пивом пошёл».

– Здравствуйте!.. За молоком или за пивом?

– Да, вот решил в субботу побаловать себя пивком! Где-то я Вас видел. Не на партконференции, случаем?

– Нет, вряд ли, я сегодня приехал в Норильск. В гости. Гуляю вот, город изучаю.

– Может по кружечке, за знакомство! Я Геннадий.

«Точно, отец... Это, в его характере видеть во всех людях друзей...» – А в голове затукало так: тик-тук-тик...

– Владимир. Да, понимаете, я денег не захватил с собой, куртку вот другую одел, а деньги в пиджаке остались.

– Не беда, я угощаю.

– Да как-то неудобно.

– Ничего, Владимир! Какие неудобства, сегодня я угощаю, а завтра, может, ты угостишь! Ишь совпадение какое: у меня ведь младший сын тоже – Вовка, Владимир. Вон он на воротах стоит, пострел! Шустрый пацан. А старший сын – Вячеслав. Ну что, пошли.

Владимир посмотрел на отца и подумал о том, как мало ему всё-таки пришлось с ним общаться в жизни. Раннее детство не в счёт – смутно помнится, а в юности только вечерами за ужином встречались, а летом вообще не виделись, то в деревне отдыхал на каникулах, то в пионерлагере... Так вот всё в круговороте жизненном и вертелось быстро... Быстро! Слишком быстро! Сейчас он смотрел на него с любовью и грустью, зная, что жить отцу осталось четырнадцать лет, а

посидеть и поговорить с ним так и не пришлось: всё суета, суета...

...В пивном зале они пробыли и проговорили часа два.

– Представляешь, Владимир, мы ведь даже не собирались сюда, на Север, ехать. В деревне жили, в районном центре, в Алтайском крае. Работы было много, и никто не филонил, а в прошлом году взяли да и объединили два района в один. И всё! Работы нет, народ поехал кто куда. Мы вот в Норильск три семьи сразу уехали. Квартиру здесь, правда, неожиданно быстро получили – через полтора месяца. Вот уже скоро год как здесь. Да! Не сразу я согласился ехать, да и сейчас всё в деревню тянет, на Родину!..

Отец рассказывал, а Владимир окунулся в воспоминания; он как сейчас помнил тот переезд...

Вопрос отца вернул его в нереальную реальность:

– Да ты, вроде бы, и не слушаешь?

– Да нет, слушаю я, внимательно слушаю. Просто немного отвлёкся.

– Ну, да ладно. Знаешь, я бы с роду из деревни не уехал, но потом подумал – подумал, дети растут, пусть новое что-то узнают с детства. А ты, сам-то, откуда будешь?

– Я? Да, с Барнаула я!.. Ну, в смысле родился там.

– Так я сразу подумал, что ты земляк! Прямо почувствовал! Сразу. Есть в тебе, в обличии твоём наше – сибирское! Дети-то есть?

– Да внуков уже четверо, а детей – двое! Дочь и сын.

– Внуки, говоришь уже! И сколько же внукам? А детям?

– Дочери тридцать семь, сыну – тридцать три. Внучке старшей семнадцать, двум – по десять и младшему, Славке, шесть.

– И сколько же тебе тогда лет-то?

– Ну, мне уже пятьдесят девять, а что?

– Да, ну! Я думал, что лет сорок пять тебе, не боле!..

– Да нет, от...Гена, уже пятьдесят девять.

– Это, конечно, когда мне будет пятьдесят девять, то у меня тоже, наверное, внуков четверо или пятеро будет!..

У Владимира от этих отцовских слов слеза сама собой брызнула из глаза, защебило что-то в груди, защемило. Он смотрел на отца, на этого любимого человека, которого он потеряет в 1978 году, через четырнадцать лет, на этого настоящего русского мужика похожего на Шукшина, такого же прямолинейного и порой резкого, но доброго! Они даже родились с Шукшиным в один год! Схожие черты лица, манеры поведения и разговора. Та же скромность и крутость характера в момент способного стать бурей, а через минуту – штилем.

Видимо и вправду многие люди, рождённые на Алтае, имеют определённое сходство, имеют какой-то заряд на честность и истинно сибирское благородство русского человека, не испорченного европейской «цивилизацией».

– Ну, наверное, будет! Нет, конечно же, будут! Обязательно будут внуки – это ты даже не сомневайся!

За столиком повисло молчание. Каждый думал о чём-то своём. О чём думал отец, для Владимира так и осталось тайной. Самое обидное в этой ситуации было то, что он не мог сказать отцу то, что его ждёт и как он погибнет через несколько лет. Это уже произошло – Владимир об этом знал и помнил, и на будущее повлиять никак не мог. Не в его это сила, не в его это воле. С ходом истории не поспоришь. Здесь он оказался просто наблюдателем, случайным наблюдателем за своей прошлой жизнью по неизвестным ему причинам. Ни больше и ни меньше. Хотя это состояние, «случайного наблюдателя», было вполне реально: он трогал своего отца за плечо, он пил пиво из реальной кружки, мужики в пивном зале реально и с удивлением смотрели на его яркую одежду, особенно на спортивную куртку с большим гербом СССР. Благо, что он не изменял своим взглядам в будущем и не носил футболки и куртки с какими-нибудь иностранными надписями и непонятными символами, иначе быть бы ему изрядно битую за углом этого пивного зала и уж точно не миновать милиции или психбольницы.

– Да, Володя, ты меня, конечно, удивил. Моложаво выглядишь, моложаво! А работаешь ты кем?

– Вообще-то, строитель я. Техникум закончил, потом институт! Инженер – строитель, в общем. Как-то так! А, что?

– Тут уж вроде я тебя по батюшке должен бы величать! Отца-то как звали?

– Георгиевич я!

– Георгием, значит, отец твой был! Стало быть, и мой Вовка, когда вырастет, тоже будет Георгиевичем!

– И что?

– Да я просто рассуждаю! Понимаешь, Владимир... Георгиевич, штука какая получается! Я ведь даже и не задумывался раньше, вот до встречи с тобой, что это звучит! Отчество у детей моих будет звучать! Вячеслав Георгиевич – так будут величать моего старшего сына, Славку. А Вовку, значит, будут звать – Владимир Георгиевич!.. Красиво звучит! Это хорошо! Знаешь, а обоих сыновей я тоже потом в строители определю, ну в смысле подскажу им, чтобы строителями стали! А что, смотри-ка, строители молодцы: дома и школы строят! Вечная профессия, правда, Владимир? А знаешь что, я подарю тебе вот этот значок на память о Севере и нашей встрече. Это мне Вовка его прицепил на пиджак – пусть, говорит, висит, красивый мол.

При этих словах отец отцепил с лацкана пиджака значок с изображением белого медведя на черном фоне и надписью «Норильск» и прикрепил Владимиру на куртку:

– Носи!..

Еще немного поговорив, допив пиво, они расстались с отцом «друзьями». Отец пригласил его в гости, но Владимир отказался, сказав, что в другой раз как-нибудь обязательно зайдёт и, пройдя соседним двором, вернулся в свой двор с другой стороны школы и сел на лавочку возле школы.

Ребятня уже играла в лапту. Всё шло своим чередом, а

значит, его появление здесь не нарушило ход истории, возможно не нарушило. Вон его друзья бегают и резвятся. Даже велосипеды кое-кто положил на землю. В компании-то играть веселее, чем одному на велосипеде ездить. «Друг Витёк, помнится, один любил ездить. Жаль, конечно, его велосипед! Угнали его... Милиция тогда велосипед не нашла, а может и не искала. Да, скорее всего, что вовсе и не искала. Так что Витёк тогда стал как и мы все – «безвелосипедным пацаном».

После двух кружек пива и приятного разговора с отцом Владимир просто сидел и смотрел на детвору, на друзей и на себя – маленького, не зная, что же ему делать дальше.

«Да, интересные времена тогда были, и очень интересные события происходили в детстве! Некоторые, возможно, тогда были ключевыми для нас, каждого в отдельности, и имели какое-то своё предназначение. Скорее всего, мы и не придавали им никакого значения, происходило что-то и происходило, как бы случайно, но, видимо, оставалось где-то глубоко в памяти, как некая точка отсчета, раз я вот тут сижу и философствую! А, может, это должно было произойти, и к любой произошедшей случайности приводит какой-то ряд весьма не случайных, но, возможно, последовательных желаний, поступков или когда-то принятых решений, о которых мы забываем с годами.

Это в книгах жанра фантастики всё просто: создали электронное или протонное оборудование и совершили путеше-

ствия во времени или такие путешествия там происходят при помощи не совсем классических "машин времени", а при помощи обнаруженных "чёрных дыр" или естественных порталов. Ни того, ни другого, ни третьего я не обнаруживал и не изготавливал! Но коим-то образом это всё случилось и должен быть какой-то выход из этого и, возможно, существует очень простой способ вернуться назад. Может нужно просто зайти в подъезд и постоять на том самом месте, где я появился три часа назад, или попрыгать. Может и так, попробую проделать это чуть позднее, вечером. Меньше будет вероятности с кем-то встретиться. Просто смех и слёзы! И здесь сидеть как-то неловко. Зайду в школу, посмотрю, как идет подготовка к её открытию, пережду время и вспомню былые годы!»

Зайдя в вестибюль школы, пахший свежей масляной краской и шпаклёвкой, Владимир с ясностью вспомнил этот запах и этот цвет стен, эту желто-коричневую плитку на полу. Прямо впереди женщины-маляры докрашивали ограждение гардероба, слева в конце вестибюля стекольщики стеклили перегородку с небольшими прямоугольниками окошечек и дверью перед лестничным маршем. Помнится, в классе втором, через эти окошечки они с друзьями пролезали, обходя дежурных, чтобы не носить сменную обувь.

Владимир с улыбкой вспомнил про тот случай. «Чего только они не выдумывали, будучи школьниками. Вот спасибо арифмометру! Окунул в страну детства. Главное выныр-

нуть бы в своём времени».

Неожиданно он услышал:

– Добрый день! – к нему подходил директор школы, Пуговкин Владимир Иванович.

– Добрый день, Владимир Иванович!

– О, Вы меня знаете? Что-то я Вас не припомню!

Владимир понял, что «лопухнулся» и надо было выравнять ситуацию:

– Да, нет! Дочь говорила, что у внука в школе директор Владимир Иванович! А я тоже Владимир! Вот и запомнил сразу.

– Ваш внук к нам в школу придёт учиться? Это хорошо! Школа новая, просторная! Вы знаете, что её за десять месяцев построили! Представляете, какие строители молодцы!

– Да, быстро строили, я наблюдал за стройкой... А внук мой в первый класс пойдёт. Вот я и зашёл посмотреть, что здесь внутри и как? Если можно в классе посидеть, желательно в том, в котором 1-А учиться будет! Так сказать, глянуть дедовским взглядом!

– Ну почему же нельзя! Пойдёмте, там как раз будущая учительница вашего внука подготавливает класс!

После этих слов, у Владимира «поехала крыша»: то ли от слов директора, то ли от всего происходящего: «На сегодняшний день – это уже перебор! Да, что же это такое? Кошмар какой-то, конечно это приятно, когда в воспоминаниях, но так, вживую, это просто невероятное что-то! Зою Нико-

лаевну увижу! С ума можно сойти!»

– Вам, не хорошо! Владимир... извините...

– Георгиевич... Нет, всё нормально, правда, всё хорошо. Просто, знаете, как-то светло очень в школе, красиво, солнечно, аж в глазах искорки замельтешили... Нам бы такие школы... Думаю, Вовка будет пятёрки таскать!

– В смысле – таскать?

– Ну, я имею в виду, что учиться будет хорошо, на «пятёрки»! Он паренёк смышлёный, Гуляев его фамилия.

«Зачем я это сказал! Прямо кто-то меня спрашивал, пиво с запахами краски смешались, видимо!»

– Ну, что же, пройдемте в класс вашего внука.

И они пошли на второй этаж.

– А Вы воевали, Владимир Георгиевич?

Врать не хотелось. Правду Владимир Иванович, фронтовик – разведчик, распознал бы сразу. Поэтому Владимир ответил уклончиво, благо за свою жизнь он прочитал достаточно книг и посмотрел много фильмов о разведчиках:

– Знаете, мне бы не хотелось об этом говорить, да и не имею права, уж извините. Вы, Владимир Иванович, как бывший фронтовой разведчик, я думаю, понимаете меня!

– Да, конечно! А вот, кстати, и будущий класс Вашего внука, 1-А.

– Очень хорошо!

– А как Вы узнали, что я на фронте в разведке был?

– Служба, Владимир Иванович! Служба!

– Ну, да! Ну, да!

Они вошли в класс, просторное и светлое помещение, с тремя огромными окнами и тремя рядами, новеньких блестящих парт. Возле окна стояла его первая учительница. Она и тогда казалась небольшой и хрупкой, а сейчас с высоты его роста, она показалась ему совсем маленькой молодой женщиной.

– Вот, Владимир Георгиевич, здесь и будет учиться 1-а, и ваш внук. А это классный руководитель класса – Карасёва Зоя Николаевна! Прошу любить и жаловать! Она будет четыре года учить детишек уму-разуму.

– Здравствуйте! – Тихим приятным голосом поздоровалась она.

– Здравствуйте, Зоя Николаевна!

Владимир подошёл к первой парте у окна и с трудом втиснулся в узкое её пространство:

– Можно я здесь некоторое время просто посижу? Так сказать изучу обстановку.

– Конечно! А я вас оставлю, строителям кое-что нужно подсказать, чтобы не упустили! – сказал директор школы и удалился.

Зоя Николаевна занималась хозяйственными делами в конце класса, а Владимир сидел за «своей партией» и смотрел на классную доску. «Так вот почему тогда, 1-го сентября, Зоя Николаевна сказала Вовке, когда он уселся за эту парту: «Вова, а твой дедушка тоже сидел за этой партией и сказал,

что ты здесь будешь хорошо учиться». Он тогда и не понял, о каком это дедушке говорит учительница, а потом и забыл про её слова.

Владимир посмотрел в окно.

Теплый августовский день радовал солнцем, но это мог быть последний теплый день: на Севере так – осень резко переходит в зиму и северная зима стремительно засыпает снегом всё вокруг, укладывая его плотно и надолго. Почему-то ему вспомнился день, когда их распустили из школы по домам в связи с приближением арктического циклона. Обычно по радио объявляли активировки, которые освобождали их от учебы, а в тот раз, видимо, метеослужба чуть запоздала с объявлением...

Да, за эти четыре часа, которые он находится в своем прошлом, сколько воспоминаний всплыло!

Сидя за этой малюсенькой партой, Владимир хотел обернуться и посмотреть, что там делает Зоя Николаевна, но вдруг, он скорее почувствовал, нежели услышал, откуда-то сбоку лёгкий и тонкий звук, похожий на звук колокольчика – «дзи-нь-нь»!

От неожиданности Владимир даже глаза прикрыл на мгновение и тут же почувствовал, что он сидит в кресле!.. Просто в обычном кресле, дома! Рядом стоял арифмометр «Феликс» с набранными рычажками цифрами – 2-2-0-8-1-9-6-4.

На кухне работал телевизор.

«Значит приснилось! Надо же, как явно всё было! Сколько же я времени спал?»

Владимир прошёл на кухню и глянул на часы. «Восемь. Всего час назад они ужинали, потом он сел прочесть исправленную сказку, потом её распечатал. Прочёл ещё раз. Потом видимо заснул чуток. Получается на сон ушло минут пять, не больше. А сколько событий во сне промелькнуло».

– А ты чего это норильский значок на куртку прицепил? – спросила жена.

Владимир глянул вниз. С левой стороны куртки красовался значок с изображением белого медведя на черном фоне и надписью «Норильск».

«Вот тебе и на! Блин, неужели это всё мне не приснилось? Неужели... Нет, не может быть!.. Получается, что это был не сон? Нет, это точно был не сон! Но, что же, это тогда было?.. Получается, что я был там на самом деле!.. И это была – телепортация!.. Офигеть, как сказал бы внук!.. Неужели это реально возможно? Хотя, что мы вообще знаем в этой жизни, что возможно, а что нет! Ни-че-го! Вон по телику, столько передач всяких крутят по всем каналам: про телепортацию, параллельные миры, экстрасенсов!..» Владимир сел на стул.

– Представляешь, Нин, такое ощущение было, что я уснул, а во сне попал в Норильск, увидел себя семилетнего, потом отца, мы ещё с ним пива по две кружки выпили, поговорили, потом я побывал в школе, встретил директора и первую учительницу. И пробыл я там часа четыре, а потом

проснулся, а прошло минуты три, может пять!

– Ну чего во сне не бывает!

– Да нет, понимаешь там, ... во сне ..., отец мне на куртку вот, этот значок прицепил! У себя с пиджака отцепил и мне повесил!

– Ну-ну, шуточки шутикуешь. – Засмеялась жена.

– Нет, правда! Я, сам не верю, но значок-то вот он, висит! Как-то он появился на куртке! Я его не пристёгивал. Да и пива я вечером не пил, а вот там, получается – пил. Аж две кружки.

Жена потрогала лоб Владимира:

– Горячий.

– Да причём здесь горячий лоб. Я же тебе говорю, вроде бы уснул, но ведь прошло-то всего три-пять минут, а я был в 1964 году, в августе. И себя, и друзей, и отца видел как тебя сейчас. И это точно был не сон!

– И как же это может быть, тогда?

– Не знаю. Я просто случайно набрал на арифмометре цифры 2-2-0-8-1-9-6-4, крутанул несколько раз, что-то заклацало в нём, внутри, потом дзинькнуло и я очутился в Норильске, в субботу 22 августа 1964 года! Как раз все цифры совпадают. Не мог же всё это он проделать – арифмометр! Ну-ка глянуть, сколько раз я крутанул ручкой?

Владимир подошел к арифмометру.

– Так, крутанул, значит четыре раза! И пробыл четыре часа. А почему здесь всего прошло несколько минут? И по-

чему я попал именно в Норильск, а не куда-нибудь, скажем в Африку, или в Барнаул в тот год? Дела-а-а! Так, что там у нас получилось в ответе после умножения на 4: 88-32-78-56. И что?! Что это за число, или числа? Загадка?! А может, наоборот, в них – ответ, если расположить по-другому: 32-56-78-88!

Стоит подумать.

– Да, ну тебя! Опять решил меня разыграть!

– Какие тут могут быть розыгрыши. Я правду говорю.

– И всё-таки, это тебе приснилось. Обычный приятный сон, увидел своё детство, воспоминаниями навеянное. – Выразила сомнение жена.

– А значок норильский? А пиво?

– Ну, не знаю, не знаю? Может значок кто из внуков прицепил, а ты и не заметил.

– А то, что это не сон – это проверить просто. Вот сейчас наберу любую дату, и поглядим!

– Да, ладно, чего там проверять-то!

– Нет, надо проверить. Я вот, что подумал: если это был не сон, а появление значка на куртке подтверждает, что это не сон, значит, перемещение смогло по какой-то причине и через какой-то «неведомый портал» произойти! Второй вопрос: как это произошло? И причём здесь арифмометр? Ладно, цифры я набрал машинально, но это совпало с тем, что происходило со мной в детстве в год, состоящий из цифр, которые были мной, набраны, а число 4 – это количество сде-

ланных мной оборотов ручки арифмометра и соответствует четырем часам моего нахождения там! Как это понимать? И возможно, что оно, это перемещение, реально может происходить только в пределах того времени, когда я жил! А? Ну да, скорее так оно и есть! Как ты думаешь, возможно, такое? Бредовая, конечно, мысль, но в бреду, тоже бывает, рождается истина...

Сам механизм перемещения вообще мне пока неясен, последствия неизвестны, а вот реальность произошедших событий стопроцентная! Почему? Остается проверить ещё раз это удивительное и непонятное! А вот, если бы я набрал дату изготовления арифмометра – 22 мая 1957 года, произошло бы перемещение? Или нет? Но меня тогда ещё не было! Я ещё не родился! А значит, согласно моей версии, моё перемещение не должно получиться! Вот так! Поэтому эту дату можно спокойно набирать, ничего произойти не сможет. Хотя, на всякий случай, я думаю, надо переодеться во что-нибудь абсолютно нейтральное. Брюки простые одеть, рубашку в клетку, курточку ту, серую, ну которая как холщовая. Кроссовки и эти сойдут, удобные!

Переодевшись, Владимир уселся в кресло, как будто это было какое-то кресло «космолёта и времялёта».

– Так, набираю, допустим, дату на арифмометре: 22 мая 1957 года. Через две с половиной недели я должен буду родиться! Логически ничего не произойдет, а если и произойдет, то поглядим, как там без меня поживали! Да, блин, чуть

не забыл: денег надо взять с собой из коллекции. Так какие там были в ходу, 1947 года – подойдут! Хорошо!

Владимир взял из коллекции несколько купюр:

– Нин, я сейчас крутану раза три, а ты отойди на кухню, засеки время, сколько я буду отсутствовать! Да, не бойся ты, может и не получится ничего, а если получится, то в первый же раз вернулся, значит и второй раз, тоже вернусь! Иди, смотри на часы, засекай время.

Жена вышла на кухню.

– Поехали-и...

И крутанул ручку арифмометра три раза, прикрыв при этом глаза. Он опять услышал откуда-то сбоку знакомый лёгкий тонкий звук, похожий на звук колокольчика – «дзи-нь-нь»!..

Глава 2

«Сработало! Надо же, опять сработало! Почему? Как же всё-таки это происходит, и неужели я на самом деле в мае 1957 оказался! То, что в деревне – это точно, и деревня похожа на Шелаболиху, только дома, да заборы новее. А ведь по моей версии не должно было ничего такого получиться!»

Но получилось, и Владимир стоял в родной деревне своего детства! Да ещё и на своей улице. Дом, где он родился, вернее сказать, где совсем скоро родится, ещё почти новый и ухоженный, с арочными окнами и резными ставнями, стоит

в окружении обильно цветущей черёмухи. И забор на месте, ровненький и целехонький.

Совсем недавно он был в этом доме, но уже заброшенном и состарившимся, без окон и дверей – много хозяев сменилось в нем с тех пор как они уехали на Север. Каждый год, почти уже сорок лет, проезжает он мимо него в родительский день почтить память отца и старшего брата. Обоих привезли с Севера и похоронили здесь, на малой Родине.

Мимо дома проезжал, а зайти было всё как-то неудобно: чужие люди в нем жили, мало ли как воспримут, столько времени прошло. А вот последние лет пять дом стоит одиноко, с пустыми глазницами оконных проемов, с полусгнившей крышей, без полов и перегородок – растащили сельчане на дрова.

«А что поделаешь, разбирать не будешь, жить в нём нельзя и перевозить не перевезёшь, старый, не выдержит переездов. Потому и мыслится так, что он сам должен жить столько, сколько сможет, негоже его, более чем столетнего, трогать с места. Вот так в жизни всё и происходит: время своё берет, одно сменяет другое, а жизнь продолжается».

Подойдя к калитке, он остановился, не решаясь войти.

Во дворе играл ребёнок – это был его старший брат Славка.

«Славка! Точно, он – таким я его помню по старым фотографиям. Значит, всё-таки, точно в дату попал! И, стало быть, Славке сейчас всего-то три с половиной года! А круп-

ный карапуз! Обидно, конечно, что прожил он не много – каких-то тридцать восемь лет. Жаль, братишку! А здесь, здесь вот он – живой, играет себе беззаботно».

Из дома с ведром вышла молодая женщина.

«Мать. Она беременная! Мной! Совсем ещё молодая и красивая. Сегодня, в свои восемьдесят три года, она тоже ещё красивая, но здесь-то совсем ещё молоденькая!»

Посмотрев в его сторону, мать подошла к ограде, поставила ведро на землю и облокотилась на калитку.

– Здравствуйте, Вы, что-то хотели?

– Да... воды можно... у Вас попросить... попить!

Мать глядела на него так, как будто бы узнала.

«Но нет, показалась, как она может его узнать, если ей всего двадцать три и она сейчас ещё им, Вовкой, беременна, а перед ней сейчас стоит мужик в возрасте под шестьдесят лет!»

– Слава, принеси дедушке воды попить.

«Дедушка! Ну, конечно дедушка! Скорее прадедушка! Славке-то три года всего». И, чтобы не стоять истуканом, Владимир спросил первое, что пришло в голову:

– А когда вы ремонт делали в доме, никаких ключей не находили? Связку старых ключей?

При этих словах она отступила назад, калитка отворилась и, мать чуть не упала, но Владимир быстро подхватил её под руку.

– Ой, надо же нога чего-то подвернулась. Спасибо, – от-

странившись, сказала она. – Нет, никаких ключей мы не находили! Один дядечка недавно уже спрашивал про какие-то ключи. Но мы ничего не находили!

По лицу матери он понял, что связку ключей они находили, но ключи уже явно были выкинуты, а может ещё и нет. Он хорошо помнил ту историю с ключами, однажды рассказанную то ли отцом, то ли матерью. Ключи тогда отец, по просьбе матери, выкинул в Обь от греха подальше. И было это после того как какой-то мужик спрашивал про них. От чего была связка тех ключей, от каких замков, теперь не узнать, но Владимир всю жизнь помнил про эти ключи, всегда фантазировал на предмет их: а может они от схрона какого-нибудь, ими ведь что-то закрыли. Не зря же кто-то приходил и спрашивал про них, судя по рассказам родителей.

В их доме до революции и какое-то время после жил поп с семьёй. Потом его арестовали, сослали куда-то, след его и его семьи затерялся в истории. Возможно, что ключи принадлежали тому попу. А вот что он ими закрыл, какие замки и где эти двери, теперь уже не узнать. Потом долгое время в доме жили другие люди. Затем, то ли до войны, то ли во время войны, дом передали в сельский Совет. А уже после войны деда назначили председателем сельсовета, и его семья поселилась в этом доме. Здесь они и родились с братом. Отсюда и уехали на Север.

Ещё раз спросить про ключи он не решился, видя в глазах матери с трудом скрываемый испуг. Хотелось ещё немного

побыть с ними, зайти в свой дом и ощутить его тепло и уют.

«Ничего, уже скоро мать меня родит, и я эти чувства тепла и уюта получу в полном объеме. – Подумал Владимир с улыбкой. – А сейчас нужно уходить, время обеденное и отец может подъехать на обед ненароком! А у него глаз острый и память хорошая, а ну как потом он в шестьдесят четвёртом меня узнает, и парадокс какой-нибудь может произойти, вдруг, да и нарушится цепочка связей и событий! Хотя я уже в шестьдесят четвёртом был, и ничего там не нарушилось. Он же меня там, сегодня, не признал, значит и встречи сейчас здесь с ним не будет. Говорил, правда, что где-то видел меня, но это могло быть просто сходство моего лица с родственниками, я ж всё-таки сын его. Надо же какие дела чудные происходят, неожиданные и негаданные, прямо фантастические дела».

– Спасибо, хозяйка, за водицу! Всего доброго Вам! До встречи. – Сказал и, как-то стало чуть-чуть грустно.

Попрощавшись, Владимир быстрым шагом направился по переулку, подальше от дома. Уже сворачивая на другую улочку, он обернулся и увидел мать, смотрящую ему вслед и Славку, вцепившегося в её подол и тоже провожающего его взглядом!

Эти неожиданные путешествия ему начинали нравиться, хотя в их реальность, всё-таки, было трудно поверить. Просто это не укладывалось в голове. Вот он переулок детства, и главное что это реальный переулок его реального детства:

здесь он шесть лет прожил, каждый день топал по этим улочкам и переулкам, первые три года жизни, конечно, не помнились, а вот последующие частенько всплывали и всплывают из глубин памяти.

Где-то на соседней улице послышался шум мотоцикла. Это, видимо, отец ехал домой на обед. Другого мотоцикла здесь не могло быть, их всего-то было два или три на всю деревню и один из них у отца. Спрятаться было негде и, хотя Владимир шагал уже вдалеке от дома, встречи с отцом, видимо, было не миновать, поэтому он присел на бревно, лежащее возле забора чей-то усадьбы, и стал делать вид, что завязывает шнурок.

Мотоцикл, управляемый отцом резво въехал в переулок, Владимир не удержался и приподнял голову, посмотрев на отца. Их глаза встретились, они кивнули друг другу как старые знакомые, и мотоцикл, прибавив обороты на подъёме, укатил в сторону дома.

Звук, работающего двигателя стал удаляться, Владимир встал и неторопливой походкой направился в сторону центра. Идти по пыльным улицам детства было интересно и волнительно. Воспоминания, некогда произошедшего, всплывали сами, и картинки прошлого реально происходили, как в кино, протяни руку и потрогаешь. Так всё было явно. Вот по этим улицам он тащил когда-то давно-давно самое настоящее отцовское ружьё... А вон там... А здесь...

На центральной улице Ленина было немногочисленно, шла к

окончанию посева, и лишь пара подвод проехала вдаль, да кучка ребятни быстрым шагом прошагала к реке. Погода стояла солнечная, и полуденный жар заставил зайти в сельпо в надежде купить минералки или газировки. В деревянном здании магазина было прохладно и пахло знакомым запахом из детства: запахом свежеспеченного хлеба, смешанного с запахом соленой бочковой селедки. Продавец улыбнулась ему как старому знакомому:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте!

В полумраке магазина на полках лежали булки серого хлеба, несколько рулонов ткани, рядами стояли бутылки водки и вина, банки с консервами, пачки махорки, сигарет и папирос. Были ещё какие-то товары, вроде лопат, вёдер, кастрюль и прочего. Ни минералки, ни газировки в продаже не было. «Скорее всего, её и не должно было быть, не тот товар, – подумал он, – да и зачем газировка, когда в каждом доме свой квас ставили всегда, да чай и молоко были!»

– Что-нибудь хотите купить?

– Да, нет! Спасибо! Вот зашел немного передохнуть от жары. – Произнёс Владимир и вышел на улицу.

Из репродуктора, на столбе возле сельсовета, задорно звучала некогда знакомая и любимая песня "Едем мы, друзья, в дальние края, станем новоселами и ты, и я". То, что она поднимала настроение – это точно, но жажду не утоляла, а пить хотелось, и он направился к чайной. Внутри чайной то-

же было прохладно, только светлее и уютнее чем в магазине. Несколько столов в пустом зале были накрыты белыми скатертями, и Владимир с удовольствием сел за один из них, стоящий возле открытого окна. Ветки берёзы, растущей за окном, раскачиваясь на лёгком ветру, шелестели листвой и серёжками, ласково глядя по подоконнику и распахнутым оконным рамам. Официантка средних лет, как показалась внимательно, то ли с любопытством, то ли с удивлением посмотрела на Владимира, приняла заказ и удалилась, а вскоре вернулась с разносом, на котором стояла большая чашка домашней окрошки с хреном, сдобренная сметаной, кружка пенистого пива и тарелка с ароматно пахнувшими, ноздреватыми ломтями деревенского белого хлеба. Поставив разнос на стол, и расставив тарелки, она не спешила уходить, видимо, желая что-то спросить у него.

– А Вы, здешняя, шелаболихинская? Или приезжая? – зачем-то спросил Владимир, опередив её вопрос.

– Здешняя. А вы, наверное, из города приехали, я вас раньше не видела, но кого-то вы мне напоминаете.

– Да, из города. Вот по делам к вам. Сегодня и назад. Давно здесь работаете?

– Да после войны стала работать. А что?

– Нет, я так просто спросил. Много людей ходит в чайную или как?

– Да по-разному. Наши-то всё больше дома кушают, а в чайной приезжие в основном, шофера проезжие, ну и наши

мужики иной раз заглядывают. А что Вы спрашиваете?

– Так, вот интересуюсь. А Гуляев Леонтий Сергеевич частенько у вас бывал?

– Дядя Лёня! Да, хороший дядечка был, фронтовик, года четыре как помер. Он частенько к нам заходил. Не, не один, он всегда с кем-то был, угощать уж больно любил. Одно слово, хороший дядечка. Он у нас председателем сельсовета работал. А вы, что знали его?

– Да, так, приходилось встречаться давненько.

– Вот и я, увидев Вас, подумала, что видела вас когда-то. Вы раньше у нас в чайной не бывали? Может быть вот с дядей Лёней, лет с десятков назад, и заходили. Просто, похожи Вы, очень, на кого-то. А вот на кого, не вспомню. Карточки же тогда только-только отменили, в тот год как раз, а деньгами только приезжие рассчитывались. А приезжих у нас мало бывает. Я почти всех помню, кого и через пять лет увижу, вспомню. Наши-то мужики под запись в основном обедают, а приезжие – деньгами рассчитываются.

– Да нет, вроде бы не я. В первый раз я в селе вашем. Ну, ладненько, мне пора далее двигать, спасибо Вам за крошечку, отменная была. – Попрошавшись, Владимир покинул гостеприимную чайную.

На улице на всё село из репродуктора звучала очередная задорная песня, и ноги сами чеканили шаг и двигали Владимира к берегу Оби, излюбленное место деревенской ребятни.

Присев на корягу, Владимир с удовольствием смотрел на быстрое течение реки, на мелкие волны, плещущие у берега и вносящие душевное равновесие, гармонию и спокойствие. С рекой были связаны два случая, произошедшие почти один за другим. Два раза он чуть не утонул. Как это было давно! Почти уже и забылось, но вот надо же, всплыло из памяти.

Сейчас, глядя на речной прибой и плеск волн, набегающих на берег одна за другой, Владимир, постукивая поднятой на берегу хвостинкой по обуви, задумался. Где-то он уже читал о том, что глядя на движение воды, человек как бы окунается в её магию, обретает спокойствие, у него снимается нервное напряжение, а мысли приобретают законченные формы. Скорее всего, правда, что вода действует магически и запоминает всякую информацию, соприкасаясь с чем – либо на своём вечном пути! Значит, она и сейчас запомнит то, что я сижу вот тут на берегу. И будет хранить эту информацию вечно!

А может быть в этом и есть суть возникновения порталов Времени, появляющихся в определённом месте и в определённое время? По закону круговорота воды в природе, все изменяется, переходя из одной стадии в другую, в третью. А информация остается неизменной! Значит при любом неизвестном нам стечении обстоятельств или при совпадении каких-то факторов в результате природных изменений и событий, будь то дождь или снег, или подземное течение рек, та

или иная информация может столкнуться с реальным «информатором или донором информации», то может открыться Временной портал! Для любого человека! Если поле его прошлой информации, по какой-то причине, пересекается с сегодняшним полем! Выдумка, конечно! Но всё может быть! Если нет доказательства обратного, значит, и эта моя теория может жить! А почему бы и нет?

И почему, собственно, Временной портал? А может он, что ни на есть, самый Постоянный! И находится он, может быть, внутри каждого человека, закрытый до определенного момента или какого-нибудь неординарного случая, а мы просто его не видим, не чувствуем или перестали чувствовать, занятые самими собой, обустройством своего внешнего вида, внешнего благополучия, возможно иллюзорного, забыв и почти утратив полностью свою внутреннюю энергетику, свои способности, свой Портал!

А мы наставили заборов и преград вокруг себя, вот нашему ЭГО и нет возможности двигаться ни в пространстве, ни во времени, и лишь только ночью оно вырывается на волю! И мы видим сны, а может и не сны вовсе, а то самое настоящее, что происходит с нами в параллельных мирах! И мы в них существуем одновременно в своём множестве Я, и на разном временном уровне.

А может этот самый Портал и есть вся Непознанная Вселенная со всеми её закономерностями и противоположностями! И находится она внутри нас, а мы внутри её! Двуди-

ное пространство! Одно во многом или многое в одном! Голова кругом! А интересно, сколько времени я уже здесь. Похоже больше двух часов.

От реки веяло приятной прохладой.

Немного поодаль деревенские ребяташки, с криками и визгом, плескались в заводи. Вдоль берега качались на волнах деревянные лодки, в некоторых из них сидели рыбаки. Обычная летняя деревенская идиллия – тишина и убаюкивающий покой.

Интересно, всё-таки, знать, а зачем я сегодня здесь оказался? Даже уже не столько – как оказался, а зачем? А может та история с ключами, рассказанная отцом – это как раз и есть тот случай, который сегодня получился. Помнится, тогда они говорили, что «нашли ключи, делая ремонт. Потом приходил какой-то мужик, спрашивал про них». А отец их выкинул в реку. Нет, эта история не та, чтобы из-за неё я «телепортировался», тем более мать говорила, что уже какой-то «дядечка» спрашивал про ключи. Интересно она выразилась: «дядечка»! Я никогда не слышал, чтобы она так говорила!

Если не ключи, то в чем же, тогда «ключ этой загадки»?

А может в том, что я не дал матери упасть?

Более вероятно.

Она могла упасть на ведро, когда отступила назад во время нашего разговора, и что-нибудь повредить себе! И тогда я бы не смог родиться! Да, ну, если бы я сегодня не появился

здесь, она, ведь, не пошла бы с ведром к калитке. Хотя почему бы, не пошла? Может она как раз и шла с ведром к этой самой калитке, чтобы вылить из ведра грязную воду в овражек на другой стороне переулка. А там тоже могло что-нибудь произойти, ну, хотя бы и случайное её падение. А тут – я появился! И своим появлением прервал цепочку событий, которые могли произойти, на одну-две минуты! Да, ну! Как-то всё это странно и мудрёно, хотя доля истины в этом может быть. Фантастично, конечно, но может – быть, может – быть!

Что мы вообще знаем о том, что может быть в этом мире, а что нет. Ни-че-го!

А официантка?

Она говорила, что личность моя ей знакомая, мол, типа так показалось, что вроде похожий человек на меня у них в чайной бывал, и возможно вместе с дедом Леонтием, когда-то давненько! Странно это, очень странно. А может я и вправду встречался с ним, вернее ещё не встречался, но смогу встретиться в ближайшем будущем-прошлом. Стало быть, имею перспективу ещё попутешествовать. Только вот в какой год, месяц и день? Как узнать точную дату, чтобы на арифмометре её набрать. Десяток лет – это может и девять быть, и одиннадцать! Хотя, она сказала, что тот человек деньгами рассчитывался и карточки только что, мол, отменили. Значит, это может быть сорок седьмой или сорок восьмой год. В каком году карточки отменили? Вернусь, надо будет глянуть в интернете. Надо же, как я уже свыкаюсь с

этим перемещением: «Вернусь! Появлюсь!..»

Лёгкий, тонкий звук, похожий на звук колокольчика – «дзи-нь-нь», прозвучал неожиданно, как гром.

Владимир сидел у себя дома в кресле.

Из кухни в зал вошла жена:

– Засекла. Что не получилось, ну, и, слава Богу!

– Да нет, понимаешь, наоборот всё получилось, чёрт возьми! Но как получилось, ума не приложу! Видишь, даже вот хворостинку прихватил оттуда. Представляешь, прямо, как в кино всё было и в тоже время как наяву, всё взаправду происходило: и отца опять видел, он мимо меня на мотоцикле проехал, поздоровались даже, и мать видел, она мной беременна, и Славку. Разговаривал с матерью, а потом по деревне шёл. Представляешь, даже в магазин и в чайную заходил, крошки с хреном похлебал, вкуснота! И продавщица в магазине смотрела на меня как на старого знакомого, как-то странно смотрела. А может, показалось просто. Как и всё остальное. В чайной официантка даже спросила меня, когда мы с ней про деда Леонтия заговорили, мол, не я ли с ним был здесь как-то один раз давно, лет с десятков назад.

Представляешь?

Говорит, что память у неё на людей крепкая, увидела и вспомнила. Похож, мол, очень похож. Долго, говорит, сидели и разговаривали. Это, значит, получается, что я и в году 47-ом, а может – в 48-ом побывал. А зачем?

– Опять начинаешь выдумывать?!

– Да какие выдумки? Говорю же, что сам ничего не пойму. Но было как наяву. Чё я врать буду что ли, какой мне резон сказки сидеть рассказывать?

– Ну не могу я поверить. А как, допустим, она могла запомнить тебя, людей ведь должно было много побывать за эти годы.

– Говорит, что в тот год карточки отменили и деньгами рассчитывались редко, только приезжие, свои, мол, под запись, а тогда тот, вроде бы я, деньгами рассчитывался, вот и запомнила она, а ещё, что приезжих сразу различают в деревне. Вот, значит, такие дела. Стало быть, могу и дальше перемещаться. Хотя с моей первичной «теорией» о том, что это происходит потому, что я там раньше жил, существовал, не сходится. А значит остается только проверить. Хотел ещё в гости к кому-нибудь зайти. Но получается, что время мало накрутил. А ты на кухне-то долго была, когда время пошла смотреть?

– Нет. На время глянула, чайник выключила, закипел. И в зал вернулась.

– Так, получается, что там я три часа был, здесь – минута, ну полторы минуты прошло. Интересно – интересно! Четыре часа в 1964-ом, три часа в 57-ом! А дома отсутствовал полторы-две минуты, ну три, допустим! Знаешь, мне это начинает нравиться! Непонятно как всё происходит, но понимаешь совсем не страшно, а даже всё больше интересно становится!

– Пойдем, поешь и расскажешь всё по порядку, чего там тебе понаприснилось, а я чаю попью!

– Да я, наверное, ещё разок попробую. Да и ел я, считай что, за три минуты уже два раза. А пока портал включён, или как там его лучше назвать, пока он действует в обоих направлениях, надо попробовать. Понимаешь, азарт какой-то внутри меня появился! Так, что прямо голова зачесалась, а вот если опять получится, то когда вернусь тогда и чайку поем.

– Может, хватит уже, а то вдруг застрянешь там, если это всё взаправду случается!

– Нет, не должен застрять! А такое, может быть, только раз в жизни бывает, а потом – раз и всё прекратится! Ну, как не воспользоваться такой возможностью? Знаешь, я вот что думаю: информации в прошлом обо мне в таком возрасте, как я сейчас, нет, и такого как я сейчас меня там не было и быть не может, вот потому я там и не смогу остаться, а значит – вернусь. Уверен! На все сто процентов! Ну, точно не застряну! Не возможно это потому, что появляюсь я только там в том месте, где был именно в тот год, месяц и день, в котором я уже прожил! Если я не был и не жил в Норильске в 22 мая 1957 года, поэтому я на Севере и не появился, а появился в деревне! И в Африке, к примеру, тоже не оказался! Так, что наберу вот сейчас, допустим, 22 июля 1966 года, мы тогда всей семьёй в отпуске в деревне были, и поглядим, что из этого получится! Набираю – 2-2-0-7-1-9-6-6. А ты, иди на кухню, раз в прошлые разы уже так было, то и не будем

нарушать процесс. А я, тем временем, крутану ручку раза три и посмотрим, что и как?

Глава 3.

Глаза на этот раз Владимир не стал прикрывать, хотелось увидеть «грань перехода». Но всё произошло очень просто как при смене фотографий при просмотре слайдов: на какое-то мгновение одно изображение затуманилось, а второе появилось! Почувствовалось лёгкое, почти незаметное, уплотнение воздуха в долю секунды и всё.

Он стоял на окраине деревни Новообинцево, в начале её главной и широкой улицы.

«Видимо, всё опять получилось, – уже более спокойно воспринял Владимир происходящее, – если так, то сейчас должно быть 22 июля 1966 года. Остаётся одно – проверить так это или нет!»

Он обернулся назад, сзади вдоль дороги, по одной её стороне, простиралось до горизонта пшеничное поле, а по второй – пологий уклон, с пожухлой от солнца травой, уходящий вниз до самого оврага. Как всё это было знакомо, с далёкого детства: знакомый запах полевых цветов и разнотравья, смешанный с теплым июльским ветерком и особый запах деревенской жизни. Нет, запах не навоза, а запах жизни! Настоящей деревенской жизни, ни с чем несравнимый запах размеренности и основательности этой самой жизни.

По этой главной улице он входил в деревню каждое лето в течение десяти лет, приезжая на каникулы и, пройдя через всю деревню, спускался под гору, где жили его бабушка и бабушка – родители матери.

Вот и сейчас, постояв несколько минут, и справившись с минутным волнением, Владимир зашагал по знакомому маршруту.

В деревне стояла тишина и, только иногда, было слышно кудахтанье куриц во дворах, а людей не было видно.

«День. Время покосов».

Сейчас почти все деревенские были за рекой на заготовке сена, а кто не там, тот в своем огороде занимался прополкой. В каждой усадьбе огорода большие, не менее 20-30 соток!

Приятные воспоминания из детства стали выстраиваться картинками. Пятьдесят лет прошло, а так явно вспомнилось. Да, в тот год они, всей семьёй, в первый раз поехали с Севера в отпуск на «малую Родину»!

На «материк», как говорили норильчане, на отдых.

Отдых отдыхом, но вначале июля в деревне начиналась сенокосная страда. Вовке тогда это было в диковинку, а потому интерес к этой работе он имел большой. Еще заранее они с дедом ездили выбирать место для покоса, переправившись через реку на огромной деревянной лодке с мотором, её называли бригадным баркасом, потому что дед часто переплавлял колхозные бригады доярок и косарей на ту сторо-

ну Оби.

Тогда, в первый день, перед косовицей, за реку они плыли всей семьёй: отец с матерью, брат, бабушка и ещё человек шесть соседских теток и мужиков.

Вовка держался ближе к деду, а вдруг дед даст и ему по-рулить лодкой!

Старший брат тоже претендовал на «должность рулевого», но Вовка был пошустрее и крутился возле деда, стараясь не дать возможности Славке занять место на скамейке возле мотора.

– Чё, ты, тут крутишься, иди и сядь к родителям! – Говорил Славка. Но для Вовки это было несколько не убедительное требование. Он плотно уселся у руля:

– Иди, сам садись! Вишь, я бечевку «заводную» держу!

– Слав, да пусть он там сидит, он же младше! А ты вперед иди, а на обратном пути поменяетесь! А ты, Вовка, сиди там смирно, не егози, река все-таки! – Сказала свое веское слово мама.

– Ты, сопляк, получишь потом у меня! – Как всегда «ласково» и тихо прошептал брат, ткнул втихаря Вовку под бок, и перебрался в нос лодки.

Лодка, управляемая дедом, некоторое время двигалась вдоль берега вверх по течению реки, немного вибрируя, расплющивая небольшие встречные волны.

Одной рукой Вовка держался за руль мотора, а другой за борт лодки.

Он рассматривал отвесный глиняный берег. От берега отваливались большие и маленькие пласты земли, подмываемые волнами, и торчали, как тоненькие и толстые змеи, извилистые корни деревьев.

Наблюдать было интересно.

Сочетание корней, различных причудливых форм, с рельефом обрывистого берега, создавало причудливые, бесконечные и меняющиеся картины. Если внимательно всмотреться, то можно было увидеть очертания каких-то доисторических животных, а если еще и пофантазировать, то и...

Видимо, гримасы Вовкиного лица, от увиденного и придуманного им, было такое смешное, что дружный смех, сидевших в лодке, вывел его из внутренних фантазий.

Он посмотрел на всех и, встретившись с «влюбленным» взглядом брата, крепче взялся за руль, приняв «позу победителя», помахав при этом свободной рукой Славке.

Через некоторое время дед повернул лодку под небольшим углом в направлении протоки, видневшейся на другой стороне реки. И теперь волны, ударяясь о борт, разбивались на мелкие брызги, взлетали вверх и приятно освежали лица пассажиров легкой и влажной взвесью, а другая часть волны, разделившись, струилась вдоль бортов белой пузырящейся пеной, вновь соединяясь, позади лодки, в новую волну. Однообразие в этом не было и каждый раз деление волны на брызги и пену, и последующее воссоединение, происходило по-разному, по-своему!

Противоположный берег, густо заросший деревьями и кустарниками, быстро приближался и становился все ближе и ближе.

Вскоре лодка медленно и чинно всплыла в устье протоки. Шириной протока была метров десять-пятнадцать, а вода в ней как будто не двигалась и была темной и гладкой, высокие деревья по обоим берегам наклонились от тяжести веток и густым, плотным строем угрюмо нависали над водой, кое-где даже соприкасались верхушками между собой, образуя подобие тоннеля.

Казалось, что время здесь остановилось, зависло в вековой прохладной и ароматной тишине. И только шум мотора нарушал эту идиллию.

Впереди показался мыс. В этом месте две протоки соединялись в одну. Свернув в правую протоку, и проплыв около километра, лодка плавно причалила к берегу.

Было видно, что данный «причал» используется уже не один десяток лет, так как он имел пологий, вытоптаный годами берег, расчищенный от зарослей. Выйдя из лодки, Вовка ногами ощутил приятную разницу твердости земли от твердости дна лодки.

И это произвольно отложилось в его голове.

Их большая компания разделилась на несколько групп: отец с братом остались у лодки рыбачить, женщины, по двое, взяв лукошки и ведра, отправились на сбор ягоды и заготовки трав, а мужики и Вовка с дедом пошли высматривать ме-

ста для разметки покосов.

Запах разнотравья заливных лугов кружил голову, тишина была необычайная, и только жужжание слепней и стрекотание кузнечиков было основным музыкальным фоном этой тишины, да отдаленное кукование кукушки иногда нарушало, или дополняло её.

Босоногий Вовка бежал далеко впереди мужиков по горячей полевой дороге и легкий июльский ветерок, насыщенный ароматом трав и утепленный солнечными лучами, весело трепал его белокурые волосы и приятно щекотал тело под рубашкой.

Голос деда остановил его одинокий бег:

– Вовка! Иди сюда, мы пришли!

Возвращаясь назад к мужикам, стоящим возле вбитого в землю куска железа, он услышал часть их разговора:

– ...как и в прошлом году.

– Не, в прошлом году трава, кажись, похилее была, а ныне гляди какие «бобылки» плотные. Хорошая травка!..

Пока мужики вымеряли и делили места покосов Вовка с палкой, как с саблей, бегал по траве, местами доходившей ему по грудь, и сбивал «бобылки» с луговых цветов. Огромное, необъятное поле, перемежаясь густыми кустарниками, простиралось далеко-далеко, до недостижимого горизонта...

...Обратная дорога показалась короче. Вовка мчался на палке, которая только что была саблей, как на коне. Сзади чинно шагали мужики...

Добежав до места, где была причалена лодка, Вовка увидел следующую картину: у костра, над ведром, колдовал отец, значит, варилась уха, женщины, сидя кружком, перебирали набранную ягоду и о чем-то разговаривали, Славка с деловым видом сидел в лодке возле мотора и «долавливал» рыбу.

Вовка, немного уставший, взяв две горсти ягод из материнского ведра, прилег на землю в прохладный тенок дерева...

...Сверху, с ветки на него смотрела двумя глазами зелено-коричневая змея.

Ягоды еще падали на землю, а Вовка уже стоял за спиной отца, теребил за штаны и тыкал пальцем в сторону дерева. Сказать он ничего не мог и только мычал что-то. Отец быстро разобрался с причиной Вовкиного страха, и поверженная на землю змея еще некоторое время конвульсивно извивалась разрозненными частями своего тела.

– Ничего, сын, запомни, змея сама первая никогда не нападает, почти. Надо только ей повода не дать для нападения. – Сказал Вовке отец, прижав его к себе.

На обратном пути Вовка полулежал в носовой части лодки и раздумывал о случайностях, происходящих в жизни...

Погружённый в воспоминания Владимир не заметил, как прошёл через всю деревню, и оказался возле тропинки, ведущей вниз, с косогора, к дому бабушки и деда. Перед ним открылся вид «подгорской» части деревни, состоящей из

30-35 домов, расположенных вдоль реки. Дальше простира- лась широкая Обь, а за рекой, до самого горизонта, лежали бескрайние заливные и сенокосные луга.

«Вот она – малая Родина. Почти триста лет назад посели- лись здесь мои предки. Здесь моя фамилия пустила свои кор- ни, здесь произрастало родовое дерево, здесь начала жизнь и продолжает жить моя фамилия как дерево, растущее ввысь, образуя новые ветви и листочки. Одни ветки дерева, к со- жалению, с годами отмирают, а молодые побеги, раздвигая пространство, образуют новые связи и прорастают новыми побегами. Так и движется всё по кругу».

Спустившись вниз по знакомой, из детства, тропинке, Владимир подошел к ограде дома. Дверь в дом была подпёр- та палкой. Значит, дома никого нет.

«Конечно, нет! Они же за рекой. Неужели, это именно тот день, который я только что вспоминал? Чудеса, да и только! Значит, вернутся они часам к пяти или шести вечера. Сколь- ко изменений произошло за эти годы, и разве можно было тогда подумать, что наступят времена, когда нельзя будет вот так просто подпереть дверь в дом палкой, без замка, зная, что никто не войдёт без хозяев. А ведь уезжали на целый день, а дома были открыты фактически. И ведь не воровали же. О как!».

В дом он заходить не стал, а прошёл через двор, посреди которого стоял стол, сбитый из досок, потом через огород и, прикрыв калитку в конце огорода, направился к берегу реки,

где была лодочная «пристань».

Сев на берегу, Владимир стал смотреть на быстрое течение реки.

«Вот так и годы текут, как река, быстро. Вдаль. Не успеваешь оглядываться... Как в песне, что Малинин поёт:

Берега, берега. Берег этот и тот.

Между ними река моей жизни.

Между ними река моей жизни течет,

От рожденья течет и до тризны.

Там, на том берегу, что течет по судьбе,

Свое сердце тебе я оставил.

Свое сердце навек я оставил тебе,

Там, куда не найти переправы.

А на том берегу незабудки цветут,

А на том берегу звезд весенний салют.

А на том берегу мой костер не погас,

А на том берегу было все в первый раз.

В первый раз я любил и от счастья был глух.

В первый раз пригубил дикий мед твоих губ.

А на том берегу, там на том берегу,

Было то, что забыть никогда не смогу.

Там за быстрой рекой, где черемухи дым,

Там я в мае с тобой, здесь я маюсь.

Там я в мае с тобой, здесь я в мае один,

И другую найти не пытаюсь.»

Совсем недалёко послышался шум работающего лодочного мотора и, через некоторое время, из-за поворота показалась большая лодка, плывущая вдоль берега. Это возвращались они, из-за реки. Вовка полулежал в носовой части лодки и, опустив руку, ловил белую пену, убегающую от него с волнами. Женщины перебирали ягоду, а мужики, видимо, о чем-то разговаривали, жестикулируя руками – их голоса скрывались за громким звуком работающего мотора марки «Стрела» в три лошадиных силы.

Владимир понял, что уходит уже поздно, тем более что он увидел удивленный взгляд отца, скорее всего узнавшего

его, ведь после их, «сегодняшней» для Владимира, встречи в Норильске, для отца прошло всего года два. А для человека с хорошей памятью на людей и лица полтора-два года это не срок и потому он продолжал сидеть на берегу в ожидании дальнейших событий. Даже стало интересно: как и что будет дальше?

Лодка причаливала к берегу, а отец всё продолжал смотреть в его сторону.

«Ну ладно, отец вспомнил, ну и я, тот маленький Вовка, тоже видимо вспомнит, а мать, по-моему, не должна. Десять лет прошло. Не, не должна вспомнить. Славка тем более не вспомнит, ему тогда, когда я ещё не родился (блин, бывает же такое!), три с половиной года было. Надо же было так вляпаться, хотя почему вляпаться! Я, ведь, хотел сюда попасть именно для встречи. А вот своё появление здесь не продумал сразу, ну да ладно будем выруливать положение на ровную дорогу по ходу дела. Так, я тогда говорил, что родился в Барнауле, значит, могу быть просто отдыхающим в этой деревне! Либо по делам, по работе. По работе – лучше. Это первое. Второе – это постараться не пригласить отца к себе в гости, третье – вовремя смыться, до звука колокольчика – «дзи-нь-нь»!.. Кстати, сколько я уже здесь? Хорошо хоть часы советские прихватил».

На часах фирмы «Слава», подаренных брату Славке родственниками ещё в 1965 году на двенадцатилетие, взятых Владимиром из домашней коллекции старых вещей и одетых

на руку, было 7 часов 33 минуты. Секундная стрелка стояла не двигаясь.

«Блин, завести-то забыл!.. Так, ручку арифмометра крутанул на пять поворотов, хотел на три, крутанул на пять, значит, запас себе сделал на пять часов. Прошел через деревню, не торопясь – это часа полтора, сижу минут сорок. Часа два с половиной – три у меня ещё есть!»

Всё с ним происходящее сегодня, начинало ему нравиться всё больше и больше.

«Даже, как-то, становится интересно смотреть на свою жизнь в прошлом со стороны. Вроде бы ты кино смотришь изнутри сюжета, как в мультике «Про Петю и Красную шапочку». Эффект присутствия полный. Грустновато немного, но интересно. Как только это всё происходит и, главное, почему происходит пока непонятно, да и вряд ли прояснится? Кто мне сможет подсказать, где тот «секретный механизм перемещения» спрятан? В чём его суть, в чем – задача? И до какого момента всё это будет происходить? И какие вообще возможности имеются в запасе у этого «феномена»? Вопросы, вопросы, а ответа – ноль».

Из лодки выскочил Вовка и следом за ним отец, он подтянул её немного на берег, бросил Вовке цепь и, улыбаясь как давнему хорошему знакомому, направился к Владимиру, протягивая руку:

– Привет! Привет! Сколько лет, сколько зим! Совсем не

ожидал тебя здесь встретить, не ожидал! Ты тот раз обещал в гости забежать, я уже и своим про тебя тогда раструбил, что в гости придёт земляк, а ты исчез и всё! Я и фамилии-то твоей не спросил тогда. Помню, что ты с Барнаула. А фамилии не знаю. А тут в отпуск вот приехали, на родину. Знал бы твою фамилию, может и разыскал бы! А ты, вот он, сам тут.

– Да, знаешь, от... вот, как-то так получилось, проездом заскочил с шофёром. У него тут кто-то из родственников живёт, его и отпустил – пусть проведает, а сам, думаю, к реке схожу, посижу на берегу, речным воздухом, так сказать, подышу. Ну, надо же какая встреча! Неожиданно, даже, как-то!

– Пошли, я тебя со своим семейством познакомлю: с женой, сыновьями, тестем и тещей. А потом пойдём домой и за встречу посидим!

– Да неудобно, вроде бы как-то!

– Неудобно! Неудобно, знаешь что делать? А это, нормально. Ну, ты знаешь, я тот раз как-то проникся к тебе! Сразу! Есть в тебе что-то этакое. Вот что, не пойму, но чувствую, что есть что-то! Потом долго вспоминал нашу встречу с тобой в Норильске, всё думал что зайдёшь.

– Да, вот как-то так получилось, ты уж, Геннадий, извиняй! Я собирался зайти, но закрутился, а потом срочно уехал...

К ним подходил Вовка:

– Здрассте!

– Здоров, тёзка!

От лодки донёлся материн голос:

– Гена, Вовка! Идите сюда, выгружаться надо!

– Сейчас, Владимир, выгрузимся и пойдём к тещё на бражку, гостем будешь! Бражка, во!

Подойдя к лодке, отец и Вовка стали принимать поклажу и относить на берег.

Владимир, постояв некоторое время в сторонке, тоже подошел, поздоровался со всеми и спросил:

– Часы у кого есть? А то мои стали.

– У меня есть, – сказал Славка и с важным видом, подойдя к Владимиру, показал свои новые, блестящие позолотой часы марки «Слава». На часах было без пятнадцати семь. Вовка, уже стоял рядом с ними и удивленно смотрел на часы обоих:

– О! А у вас часы одинаковые, только у Славки, новые, блестящие, а ваши какие-то тускленькие и стеклышко треснуто.

Он так и сказал – «тускленькие!», а потом добавил:

– О! А чё это у вас на часах стеклышки лопнуты одинаково?

Владимир тоже увидел этот дефект на обоих часах после Вовкиных слов.

– Заводской брак, видимо!

– Не, Славка сегодня этими часами об лодку стукнул, вот стекло и лопнуло!

– Ну, я тоже может где-то, когда-то стукнул...

Владимир не знал, что сказать этому, глазастому и любопытному самому себе, поэтому поднял руку с часами и стал их заводить.

«До возвращения осталось полных часа два, плюс минут десять-двадцать. Это как резерв для ухода! Не проворонить бы! А то растворюсь у них на глазах, вот будет фантастическое шоу!» – Подумал он, и посмотрел на себя маленького:

– А ты, Вовка, наверное, разведчиком будешь! Ишь, как всё подмечаешь!

– Ага! Или следователем.

– А строителем-то не лучше? Всё-таки мирная профессия, нужная!

– Может и строителем тоже.

– Значит, будешь всеми сразу и одновременно: и разведчиком, и следователем, и строителем. Интересно!

– Славка, Вовка! Чё, вы, там стоите? Берите свои снасти и домой! – Строго сказала мать, глянув на Владимира, толи что-то припоминая, толи просто как на чужака.

– Мам, я к пацанам пойду, покупаюсь. Вон они плескаются в затоне. А снасти Славка донесет.

– Никаких купаний. Неделю назад чуть не потонул и опять купаться. Нет. Один не пойдешь, только со Славкой. И не сегодня, видишь, гость у нас. Всё, снасти собрали и домой. – Мать взяла ведра с ягодой и ушла вслед за остальными. Отец с дедом сняли мотор с лодки, водрузили его на плечо отцу.

– Знакомься, Владимир, мой тесть – Василий Алексеевич! Там вон жена моя пошла, Зина, и теща – Агафья Гавриловна, сынов ты уже знаешь. Ну что, Владимир, пошли в гости!

– Помочь!

– Да, нет! Чего тут помогать – то! Нормально!

Все шедшие впереди шли не торопясь, Владимир с дедом замыкали это шествие. И лишь Вовка, обогнав всех, уже пронесся огородом к дому.

Зайдя во двор и освободившись от поклажи, мужики сели на скамейку, дед достал кисет с аккуратно нарезанными из газет листочками для самокруток, отец пачку папирос «Север», закурили. Владимир с удовольствием прохаживался по двору своего детства. Славка был где-то в огороде, а Вовка крутился возле мужиков.

На изгороди сидел петух.

В какой-то момент, Владимиру показалось, что петух вертит своей головой не просто так! Казалось, что он смотрит то на Вовку, то на Владимира, как бы чего-то не понимая, или наоборот, понимая много чего. Владимир непроизвольно показал петуху кулак. И вдруг услышал сзади смех отца:

– Владимир Георгиевич, вы с Вовкой кулаки петуху, что ли, показываете?

Он повернулся, глянул на Вовку и увидел, что тот тоже стоит с поднятым кулаком.

Владимир рассмеялся и присел на завалинку.

А петух соскочил с изгороди, видимо ему стало не по себе от увиденного, и бочком-бочком удалился. Наверное, он всё-таки узнал во Владимире Вовку, и удалился важно, как-то побряхтывая и наклонив голову набок, прямо как в то далёкое детство, когда, помнится, кукареканье этого петуха на первых нотах стали хриловатые, а всего несколько дней назад Вовка не замечал этого, а просыпался он, как говорят, с первыми петухами. Выходил на улицу и окунал голову в бочку с водой, которая стояла возле колодца в огороде, после чего окончательно просыпался.

В это же время баба Аганя, уже подоив корову, несла огромное ведро до краев заполненное парным молоком. Ловким движением Вовка сдергивал с гвоздя дедову большую фронтную алюминиевую кружку и запускал её в ведро. Тёплое молоко небольшими глотками отправлялось внутрь, а не успевшее проглотиться струйками стекало по подбородку и, щекоча, заползало под майку.

Бабушка ласково говорила:

– Вовка, дай я хоть ведро-то поставлю! Ты прям, как теленок маленький, нетерпеливый!

А он, допив молоко и водрузив на место кружку, уже снимал персональный бич с забора и шел в загон выгонять корову Зорьку, чтобы отвести на гору в стадо. Эту обязан-

ность он принял на себя самостоятельно и исполнял её ежедневно: утром отгонял Зорьку в стадо, вечером встречал.

Там же он познакомился с деревенскими пацанами. Ему нравилось, как они ловко щелкали бичами. У каждого был свой бич и свой «щёлк»: у одного резкий и короткий, у другого продолжительный и глухой, а у кого-то с оттяжкой!

Вовка тоже хотел научиться этому, и дед сплел ему бич, вырезав из ветки черемухи удобную короткую ручку, обернул её кожей и увенчал кожаным набалдашником.

И началась Вовкина учеба «бичевания».

Но все оказалось не так просто как виделось со стороны. Бич не желал ему сразу подчиняться.

После первого «молодецкого» взмаха, получив приличный хлест от плеча до места ниже поясницы, через всю спину, Вовка отбросил рукоять и отскочил в сторону. А бич, как живой, еще некоторое время извивался в дорожной пыли, как бы стараясь доползти до него, а может Вовке это и показалось, и слезы предательски выкатились на щеки.

Растерев влагу на лице пыльной ладошкой, он медленно двинулся к бичу:

– Ничего! Ничего, я тебя одолею, приручу...

Второй хлест с шипящим свистом снес с его головы фуражку и бич опять еще некоторое время извивался в пыли. Фуражка, называемая «сталинка», корчилась от боли в кустах крапивы. Петух, приоткрыв клюв, как бы улыбаясь и

наклонив голову набок, казалось, с любопытством и иронией наблюдал в сторонке за Вовкиными «танцами», возможно даже и изучал некоторые его движения и выпады.

Вовка погрозил ему кулаком.

Услышав сзади смех, он обернулся. К нему подходил дед.

– Ты, казак, с бичом-то поговори, подружись, а то он так тебе полосок на спине нарисует, тельняшки не надо будет. Чё ж, ты им как палкой-то машешь, он же – би-и-ч. Ненароком и без глазу оставить может.

«Без глазу» Вовке оставаться нисколечко не хотелось...

...Дня три, тогда, он таскал бич, перекинув его через плечо, и присматривался к деревенским пацанам, изучал: как они держали свои бичи, как взмахивали, как подрезали, и откуда получался шелк. Пацаны Вовкин бич оценили в первый же день и, уважительно поглаживая рукоятку, сказали:

– Да, дед Вася, молодец!.. Он умеет зд Оровские бичи плести.

Потом они показали Вовке свои навыки обращения с бичами, пощелкали Вовкиным бичом, шелк получался отменный.

Как это было давно, а вот сейчас всё происходившее тогда вспомнилось явно и сразу: и как он тогда почувство-

вал, что по утрам стало немного прохладней, и как появились капли росы, и как туманная влажность висела в воздухе, и отчего петух захрипел тогда на первом «Ку»! Бич тоже был немного влажноват – это был признак того, сто лето проходило, приближалась осень и заканчивались каникулы.

Помнится Вовка аккуратно, как лучшего друга, снял бич с плетня, немного протер с него влагу о полу рубахи, затем с деловым видом вывел за рог из загона Зорьку и погнал её привычной дорогой к стаду.

Каникулы, как сладкое, холодное мороженное: ждались долго, закончились быстро, но вкус их ещё остался. Прощание с деревней в последние дни каникул были бурные: деревенские друзья, с удочками на плечах, ежедневно, с первыми петухами уже стояли у калитки их дома. Вовка выскакивал к ним, и они неслись к реке на рыбалку. Ёрш тогда клевал отменный!.. Жирный и большой, хоть и сопливый. А ещё чебак и подъязок! Завтрак семье был обеспечен, а иногда и обед, тоже.

Зорьку в стадо последнюю неделю отгоняла мать.

После рыбалки Вовка с пацанами, вооруженные рогатками для стрельбы по воробьям уже окружали деревенские конюшни...

Потом совершались коллективные набеги на кукурузные и гороховые поля. Пакостить не пакостили, но наедались до «отвала».

Уставшие от набегов, они лежали на взгорке и смотрели

на широкую Обь...

Вечером перед их отъездом собралась вся родня. Мужики все время о чем-то разговаривали с отцом, женщины пели песни, ребячьи, человек двадцать, а может больше, все двоюродные и троюродные братья и сестра играли то в лапту, то в казаков – разбойников, благо спрятаться было где.

Петух, похожий на этого, а скорее всего это он и был, тогда тоже стоял на изгороди и, казалось, с достоинством и внутренней радостью посматривал в Вовкину сторону, как бы зная, что завтра тот уедет, а он опять станет главным на этом дворе...

Воспоминания того – этого лета пронеслись мгновенно. Голос отца вернул его в реальность «этой приятной нереальности»:

– Понимаешь, Владимир, в этой деревне я и мой отец, и дед родились. Тянет сюда всегда. Даже вот когда в соседней деревне жили, в Шелаболихе, это до того как в Норильск ещё не уехали, а всё равно сюда каждый выходной ходили. Хорошо здесь. Дышится чем-то родным и радостным, прямо грудь распирает. Я здесь с детства каждую тропинку знаю, а за рекой так все озера и озерца как свои пять.

Владимир глянул на часы.

– Что, торопишься? Сейчас женщины на стол быстро накроют.

Дед Василий, широко улыбнулся, обнажив жёлтые от ма-

хорки зубы, прищурился, как всегда, затушил самокрутку пальцами, предварительно поплевав на огонек:

– Я вот, смотрю, смотрю и думаю, а не встречались ли мы с тобой на фронте, случаем.

– Кто его знает! Может быть, где-то и пересекались дорожки фронтовые. – Владимир раньше, когда был пацаном, любил сочинять про то, как он «воевал и бил фашистов», но это были обычные мальчишеские выдумки для пацанов, таких как он. А тут дело другое, совсем другое, негоже байки травить ветерану войны, который начинал в штрафбате и до самого Берлина дошёл, и даже на Рейхстаге расписался!

«Надо выпутываться!»:

– Понимаете, Василий Алексеевич! Я, в основном, под Ленинградом воевал, на Ленинградском фронте всю войну. Много рассказывать мне нельзя, не положено, да я и сам не любитель в тех воспоминаниях рыться.

– Да я тоже. Это я так к слову спросил. Вроде как лицо знакомое. Где-то видел, может где-то мельком, годков-то с войны уж, двадцать один прошёл.

– А у меня отец всю войну провоевал под Ленинградом, три ранения получил. В феврале 1945г. вернулся после госпиталя с батожком, сустав ему коленный повредило осколком. Так он тоже не любил про войну рассказывать. – Добавил отец.

Вовка, наостривший было уши, в ожидании услышать какую-нибудь новую военную историю, был разочарован,

что мужики перестали говорить на эту тему.

Женщины поставили на стол свежие огурцы, картошку, окрошку, солонину и бутылку с прозрачной самогонкой. В крынке явно была домашняя брага. «Полезная штука – эта домашняя брага на дрожжах и сахаре, – Подумал Владимир, – А мы уже про это совсем позабыли. А, ведь, от нее не дуреешь и в лечебных целях от всяких простуд она хороша!»

– Слава, иди, садись, есть.

– Сейчас, мам, вот дорисую чуть и сяду.

– Чего ты там рисуешь? Он у нас художник, всё рисует. И дома и в школе все стенгазеты оформляет.

Славка встал со ступенек крыльца, подошёл к столу и передал рисунок Владимиру:

– Это Вам! На память! Это я углем, так, на скорую руку нарисовал, карандашом бы лучше получилось.

– Спасибо, Славка! Хороший рисунок. У меня рисунков... – Чуть не проговорился Владимир, что у него дома Славкиных рисунков штук пятнадцать, и маслом и карандашом. Посидев ещё немного, отведав с удовольствием домашней бражки, густой и сладковатой на вкус, он глянул на часы и засобирался:

– Пора мне, приятно было с Вами встретиться, посидеть, поговорить, но, как говорить: пора и честь знать. Правда, некогда, ещё ехать далеко, очень далеко.

Вдруг Слава выскочил из-за стола:

– А давайте я Вас всех сфотографирую. Вставайте все вот сюда, к дому, а я сейчас фотоаппарат принесу.

Отказываться от фотосъемки Владимиру было неудобно. «А будь, что будет! И так всё это происходящее не понятно, так пусть хоть фото будет! О, кстати, а где это фото, что-то я его не помню, надо у матери, когда вернусь, в альбомах поискать».

Владимир попрощался и быстрым шагом пошел к заросшей кустарниками тропинке, ведущей, по косоугору, в деревню.

И пока шел, думал: «А что здесь, сегодня, могло изменить моё появление в Вовкиной, или чьей-то из родных, судьбе? Вроде бы и ничего не происходило: все приплыли, пришли домой, поужинали. Никаких отклонений...»

Хотя, стоп! Я, Вовка хотел пойти купаться, а мать не отпу-

стила. Сказала, что «гость у нас, купаться не пойдёшь!» Возможно, это и было то, из-за чего я был здесь. Странно-странно и непонятно...»

Откуда-то сбоку прозвучал знакомый лёгкий, тонкий звук, похожий на звук колокольчика – «дзи-нь-нь»!..

...Дома.

Глава 4.

Владимир опять сидел в своём кресле. В комнате ничего не изменилось, всё было на своих местах. «Значит, эти мои неожиданные странности с перемещениями в прошлое ничего не нарушили и не изменили в настоящем. Врут, стало быть, фантасты! Но почему я не чувствую усталости? Почти полдня оттопал в разных годах по улицам прошлого, а ноги не гудят и обувь не в пыли! А может это всё-таки иллюзии или галлюцинационные видения, но вроде бы на психику свою и не жалуясь, и разными там психическими расстройствами не страдаю. Как там говорил Филатов: «Не имел, не состоял. Не был, не был, не был, не был... Даже рядом не стоял!»

Его размышления были прерваны появлением жены, которая заглянула в зал и встала в дверном проёме. Судя по выражению её удивлённо-испуганного лица, она что-то видела, и видимо это был момент его «исчезновения» из кресла – из сегодня в прошлое. Это было уже интересно!

– Видела?

– Что?

– Что-что! Ну, то, что было!

– Виде-ла-а!

– Ну, и как это выглядело? Вот я сидел в кресле, а потом стал исчезать. Как это было – как в фильмах показывают: постепенно испаряясь или сразу, был-был и сразу – раз и нет? Или как-то по-другому?

– Ты как-то обо всё этом говоришь так, будто всё это само собой разумеющееся. Ужас какой-то! А ты так спокойно: как это выглядело?.. Отвратительно выглядело...

– Ну, ладно тебе. Как всё-таки? Мне же нужно разобраться, что и как происходит? И почему? Сам ничего не понимаю.

– А раз ничего не понимаешь, чего же ты тогда этот арифмометр накручиваешь?

– Да, не в арифмометре вовсе дело, я думаю. Здесь, что-то другое. А вот что? Почему? И, главное – зачем? Какова цель всего происходящего? Я уже сам себе сегодня раз сто задавал эти вопросы, а ответов нет. Вот я и спрашиваю для того, чтобы разобраться. Ну, и как это было? Что видела? Давай по порядку: разобраться в этом нужно. Самое-то главное, что мне не страшно было ни разу, больше непонятно!

– Я пошла было на кухню, но подумала: а дай-ка посмотрю что там. Тут же вернулась, а кресло пустое. Страшно даже, как-то, стало, не по себе: какое-то чувство такое нехорошее.

А тут кот ещё с аквариума прыгнул на стол, чашку уронил, я туда, а он под диван залез. Потом слышу: в зале кресло скрипнуло, заглянула – ты! Вот он – сидишь!

– Даже дымки никакой не было? Или, типа, вибрации воздуха, колебания какие-нибудь в воздухе?

– Какая дымка? Никакой дымки, я же говорю, заглянула – тебя нет, кресло скрипнуло – ты в нём уже сидишь. Давай уже хватит с этим непонятным и страшным делом экспериментировать.

– Понимаешь, какая штука получается-то. Пока я там был, ну в своем детстве что ли, а может в параллельной своей жизни.... Давай-ка я лучше тебе по порядку расскажу...

– Вот так всё и было... портрет мой, который Славка нарисовал, вот он. – Владимир развернул лист бумаги с рисунком.

– Ну, надо же! Похож. Здорово похож. – Она провела пальцем по рисунку и на пальце остался след от сажи. – Но это же, всё просто невозможно!

– Невозможно, а факт есть факт! Вот он рисунок, не я же его нарисовал. Интересно то, что он со мной здесь оказался, переместился тоже.

– Ой, всё это вообще странно и неприятно... Но рисунок и вправду есть. Слава настоящий прирождённый художник был! Если это было, то это больно, наверное, больно было видеть их всех, в полном здравии, зная, что их уже нет...

– Я даже про это и думать не думал. Ощущения были хорошие, радостные. Ни страха, ни горести. Интересно даже...

– Всё это, конечно, может и интересно, но как такое может происходить? Это всё так неправдоподобно!

– Вот и я не понимаю как! Главное, что я ничего не ощущаю, никаких головокружений, ни встрясок и глюков. На самолёте и то страшней лететь было в прошлом году, помнишь? А тут – ничего! И главное, что всё при мне остаётся и одежда и вещи разные, вот и рисунок тоже как был у меня в руках там, так и здесь вот он. В фантастических фильмах показывают, что при перемещении у них одежда тут остаётся, а в другом месте они голышом появляются и с ними разные психологические встряски происходят. А тут ничего такого. И страха-то никакого нет! В детстве, когда книги приключенческие и фантастику читал, журналы научные разные про возможные перемещения, то совсем по-другому себе это представлял. Бывают, конечно, разные отклонения у людей, переживших что-то серьёзное в жизни. И книг про это полно написано, есть, наверное, и такие случаи, но поверить в это сложно, а объяснить вообще невозможно! Вот пять лет назад я инфаркт перенес, врачи с того света вытащили, потом оперировали, там же отключали полностью. Может это подействовало – не знаю, не ведаю. До сегодняшнего дня ничего такого не было. А почему сегодня это начало происходить? И до какого момента будет действовать? Я этого не понимаю. По телику много чего рассказывают про НЛЮ, пе-

ремещения и реинкарнацию. А на все сто процентов никто ничего не знает, объяснить не может и вряд ли когда смогут. Можно, конечно, думать или предполагать о том, что если в жизни и во вселенной всё развивается строго по спирали, то почему вдруг не может быть того, что этих спиралей очень много? Неизвестное количество и они все сдвинуты по осям X, Y и Z, а может ещё и по другой какой-то оси S, и помимо временной оси тоже. А каждая спираль, допустим, это наша жизнь, в смысле жизнь человечества, существование всей бесконечной вселенной, размноженной в тысячах или сотнях тысячах «экземплярах»! И в какой-то момент они, эти спирали, могут соприкасаться друг с другом или пересекаться по каким либо необъяснимым причинам. Может даже постоянно в соприкосновении и пересечении все эти параллельные миры – спирали наших жизней. Вот тогда, возможно, и происходят эти случайные попадания в прошлое. С таким же успехом можно и в будущее попасть, наверное, запросто. Вот смотри: представим условно, что спирали жизни – это вот два, нет лучше три карандаша. Каждый карандаш – это условная спираль жизни человечества или вселенной, которая существует и движется в пространстве-времени сама по себе постоянно и бесконечно. Вот, к примеру, делаем засечки на карандашах. Это, допустим, будут определённые годы. Вот эта засечка – сегодняшний день. А эта – лет тридцать назад. Эта – сто, а эта – сто лет вперед, то есть, допустим, 2118 год уже. И они существуют сами по себе в про-

странстве-времени. Теперь смотри, по какой-то причине два этих карандаша, в смысле временные спирали соприкоснулись друг с другом или чуть зашли одна в другую, но в этой спирали 2017 год, а в этой – 1966.

– Ну, ты сейчас напридумываешь...

– Я не придумываю, а рассуждаю.

– А третий карандаш тогда что?

– А третий – это другая параллельная спираль и она тоже соприкоснулась с нашей, но своим временн*Ы*М боком. И в ней на момент соприкосновения – ещё 1957 год.

– Мудрёно!

– Мудрёно! Да, мудрёно. А если таких спиралей бесчисленное множество! Это мне сейчас такое в голову пришло. Скорее всего, конечно, это мои домыслы, а может и нет, но иначе я не могу объяснить происходящее. Раньше же такого не было, разве что в фильмах фантастических или в сказках. Например, про старика Хоттабыча или во снах...

– Ну, сны это сны, а тут мы же не спим!..

– В том то и дело, что не спим. И всё там, что сейчас было – так как было тогда, только меня сегодняшнего я что-то не припомню, может, подзабыл! Вот рисунок Славкин, вот он... А ещё Славка сфотографировал нас всех. Оп-па! Я ведь тоже в кадр попал, а значит и фотка потом была сделана. Мы со Славкой всегда после отпуска фотки печатали со всех плёнок, которые были отсняты, хоть по одной фотографии, но делали. А вдруг это фото сохранилось! Надо к матери схо-

дить и в фотоальбомах поискать. Хотя мы их не один раз уже просматривали. А вдруг если не очень внимательно смотрели! А?

– Можем сейчас сходить, заодно перед сном прогуляемся. И внуков с собой возьмём – им тоже полезно свежим воздухом подышать. Дождик, правда, моросит – можно их и не брать, а сами ходим. Идти-то полторы остановки.

– Пошли! Это разве непогода! Не Север... Матери, только про фото не надо говорить... не поймёт сразу и не поверит...

... Через полчаса они сидели на кухне в гостях у матери и пили душистый чай на листьях смородины и мяты.

– А ты фотографии никакие не выкидывала?

– Нет, а что?

– Да вот хочу все старые фото отсканировать и потом на компьютер сбросить, по годам отсортировать. Родословную же пишу, так что фото и пригодятся. Я потом их тебе назад верну.

– Да вон они в серванте в альбомах.

– Альбомы я смотрел, кое-что брал уже и сканировал, но возьму ещё раз посмотрю.

– И ещё чемоданчик я сейчас достану из шифоньера. В чемоданчике всё – и фото, и отцовские грамоты и документы разные, открытки поздравительные от родственников. Всё там.

– Какой чемоданчик? Ты же говорила, что где-то он поте-

рялся при переезде с Севера или в Норильске остался. Нашёлся что ли?

– Да подзабыла я, где он, старая уже стала, а вот когда со старой квартиры переезжала сюда, вещи собирала по коробкам, он в кладовке и нашёлся. Там всякие фотографии.

– Это хорошо... Просмотрю, отсканирую и верну...

... Дома Владимир начал смотреть фото, лежащие в чемоданчике, а жена просматривала фотоальбомы. Давно он не видел эти фотографии, наверное, лет двадцать пять, не меньше. Надо же так совпало – тут тебе неординарный случай с путешествиями и чемоданчик с фото вдруг нашёлся. Странно всё это как-то, странно. Совпадение или...

Рассматривая старые фото, Владимир смотрел на них «другими» глазами и то, что раньше могло показаться ерундовым кадром, сейчас воспринималось как раз наоборот. В некоторых «неудачных» кадрах виделась именно та реальная жизнь в движении, а не как стоп-кадр в фотоателье: «внимание, приготовились, снимаю». Много было двойных фото, которые находились в фотоальбомах и он их сканировал уже, но попадались и те, которые он видел давно, уже теперь – очень давно, и имели определённый интерес для истории семьи: групповые фото родственников до военного и послевоенного времени – эти и другие, имеющие «ценность информации» он откладывал отдельно. Разыскиваемого фото не было. На дне чемодана лежал толстый чёрный пакет из-

под фотобумаги, а в нём явно находились документы и грамоты отца, про которые говорила мать. Вытащив содержимое пакета, Владимир стал с интересом рассматривать: потёртые отцовские удостоверения на награды и на право вождения трактора, танка Т-34, автомобиля и мотоцикла, аттестаты учёбы, благодарности и почётные грамоты, вырезки из газет 50-х годов, несколько старых, пожелтевших армейских фото. И среди них он увидел то, что хотел увидеть, но очень сомневался в его существовании, но это было то самое фото, сделанное на тесненной бумаге размером 13x18. Качество не очень блестящее, но рассмотреть тех, кто был на нём можно. На фото он увидел и себя сегодняшнего и себя маленького. Это было просто невероятно и не укладывалось в его голове! И в тоже время, своей невероятностью, подтверждало, что всё происходящее с ним сегодня вовсе не было сном, но это необъяснимое и неправдоподобное никак не вкладывалась в сознание.

На обратной стороне фотографии рукой брата Славки было написано: «*Лето 1966 года. Деревня Новообинцево*».

– Нин, глянь... – Он передал фотографию жене.

– Ужас!..

– Вот тебе и ужас!

– Но, как же это так?..

– Не знаю... и не понимаю! О, смотри здесь ещё какая-то старая потрёпанная тетрадка.

На первой странице тетрадки корявым почерком начи-

налась запись, сделанная явно химическим карандашом:
«...начато 14 января 1945года. Госпиталь Ленинград – По-
лучил увольнение в запас на 6 месяцев. Завтра еду домой ...».

– Так-так, это, видимо, деда Леонтия дневник. Здорово!
Ты смотри, никогда не слышал про эту тетрадку. И отец с ма-
терью – «партизаны», хоть бы словом разок обмолвились. –
Владимир бережно держал тетрадь в руках. – Записей не так
много: на вид страничек десять-двенадцать в ней. Но, это
же – целый клад! Дедов дневник! Потёрт, конечно, здорово,
но кое-что, думаю, можно будет прочитать. Ну-ка, ну-ка по-
глядим. – Он осторожно открыл первую страницу. Ага, вот,
февраль ..45:

*«...Сижу в Новосибирске на вокзале. Ещё... дне... и буду
дома... 5 февраля 1945г... – подъезжаю к Барнаулу ...»*

*«9 мая 1945 год. Вчера узнали..... всё завалили немца. Се-
годня точно сообщил... ..мы победили. Всё капитулировал
вражина. Значит... фронт я уже бол... не пойду ...».*

– Вот здорово, что эта тетрадка не потерялась. Прямо теп-
лом повеяло. Дед писал, представляешь. Вот это чудо, так
чудо! Что там дальше:

*«...март 1945г. – предложили рабо... в Шелаболихе ...
дседателем Сельского Совета. Выделяют дом для жит...
Через неделю .....едем всем семейством...»*

*«07 января 1946 года. У Николая с Анной родился сын, ...
вали Володей. Первый наш с Пашей внук. Э.. хорошо».*

«22 июня 1948... в деревне ...чайно... встретил

знако... в 44-м ... он меня ранен..... до госпит...
я..... в чайной с н... и ...ком Григ...
ым отм...ли ...стречу.....»

Владимир перелистывал страницы, стараясь быстрее охватить всё написанное дедом.

«16 авгу... 1952... – ох и сволочь эт.. секр...арь рай... Кузнец... Вчера был на Ине. Узнал, ч... с десятков коров и ....в этого Куз...ова втихаря откарм...ются на колхозных кор...х, да ещё в О...ской и Плотник... штук по д... цать скотины... Вот гад. Надо Николаю сказать, пусть ...жмёт ему хвост.....»

04 марта 1953 – у Фёдора с Анто...ой родился сын, ...звали Сергеем. В честь ...ца моего – это правильно...

06 марта 195... – по радио сообщили, чт... ...мер Сталин... Ну, не знаю к худ....., к добру ли...».

– Ничего себе тетрабочка!

«...08 июля 195... на острове ...вил сети. ...мо плыл пароход .....его упал б...шой предмет каког.....а, похож на детскую ма...ку. Утонул. Надо кошкой ...шарить по дну...

15 июля – выловил ...е-ка ...казалась т...о детск...маш.... Под...ю внуку Вовке. Пус... катается...»

– Нин, а помнишь, брат – Володя Николаич в прошлом году в Питере рассказывал про этот дедов подарок ему? Про машинку детскую с педалями, он ещё говорил, что все деревенские ему завидовали!

– Конечно, помню.

– Интересно получается: фото есть, да ещё тетрадка дедова появилась! И братьев рассказ про машинку! Всё как-то складывается в одно – непонятное! Почему и как? Интересно, так интересно!

– Да, уж!.. Очень интересно!

По спине забегали «мурашки» и Владимир начал массажировать и почёсывать виски, продолжая рассуждать, как бы говоря с самим собой:

– Ну, тетрадка та понятно – лежала себе и лежала, а вот как это фото могло вообще появиться? Похоже, что на нём и вправду я стою, чёткость у лиц, конечно, не очень-то, но всё точно, как вот-вот только что было и одежда, и стоим мы все так же. Ничего не понимаю! Кстати, а что там дед написал про..., так-так, где это я читал..., а вот:

«22 июня 1948... в деревне ...чайно... встретил знако... в 44-м ... он меня ранен..... до госпит... я..... в чайной с н... и ...ком Григ...ым отм...ли ...стречу.....»

Наверное – «воевали в 44-м году...» и «он меня (деда значит) раненного чего-то там «госпит...», а до госпиталя, скорее всего, «нёс или тащил» до госпиталя. «Потом мы в чайной с ним (наверное) и ...ком, ком (что это – ком? Григ...вым – это, скорее – Григорьевым – дед Григорьев, муж бабы Поли, а деду он был получается – свояк) ясно, конечно – свояк, значит: «с ним и свояком Григорьевым «отм...ли ...стречу.....», что это? Отмели? А, скорее всего они отме-

тили встречу. Дальше всё сильно потрепалось, затёртые записи. Следующая – уже 49 год, потом две сильно потрёпанных, далее 52 и 53 годы. Надо будет попробовать восстановить что можно. Завтра займусь. Хоть и немного, но, всё же, интересно! А помнишь, я тебе рассказывал, что когда я в 57-ом был, то официантка меня или похожего на меня, вроде как видела когда-то уже в чайной и, вроде бы даже, как бы, с дедом Леонтием, то ли в 47, то ли в 48 году. Он тут про это пишет, в своей тетрадке! Но я ведь там не был! Хотя я, вроде и в 66 году не был, а на фото – есть! А что если этим «знакомым», о котором дед тут пишет, и правда, всё-таки был я! А? И может это я был тогда в 48 году в той чайной! Или буду! Крутану арифмометр – и вперёд!

– Я тебе сейчас так крутану! Мне уже и так страшно от твоих мыслей!

– Да, это ничего! А если я был в чайной, дед же пишет про это, то получается, что я и в 1944 году побывал!..

– А с чего ты взял, что это ты там был с ними? У тебя уже всё сильно много разыгралось в голове! Пошли спать. Уже десять почти.

– Ну, десять, одиннадцать! Какая разница! Тут может исторические дни, а она – спать! Проверить надо: был я там или нет! И в 48, а вдруг и в 44? И если – да, то как это себе представить – я ташу своего деда, которого никогда в жизни не видел, раненного до госпиталя! И вообще, как я туда попал, или попаду? Вообще – полная мистика! А может, и

вправду это всё было! И живём мы в круге замкнутом, то исчезаем, то появляемся – переходим в миры параллельные, когда-то во сне, а когда и наяву! А может... когда мы спим, то мы там... тоже живём?

– Ну, у тебя и фантазия разыгралась! Ты прямо совсем уже...

– А? Что ты говоришь?

– Фантазия, говорю, разыгралась. У меня аж давление подскочило, чувствую.

– Давление, давление... Да, мне тоже, наверное, корвалольчику не помешает принять! Всё это... А вдруг! Чем чёрт не шутит!

– Причём здесь черти и вообще...

– Нет, а как понимать, что за 5-6 минут я побывал уже в Норильске и в деревне два раза в разные годы. А здесь всего ничего времени прошло, а там я считай, в общей сложности, полдня пробыл. Какие тут шутки или черти могут быть, не знаю. Но вот то, что дед с кем-то встретился в 48 году и в чайной встречу отметил это мне непременно узнать надо. Понимаешь? Надо!

– Ну. Тебя завело! Давай уже хватит, а!

– Завело? Завело-завело! А заодно и проверю ещё раз свою теорию о том, что я не смогу попасть туда, где меня ещё и в планах не было. А это легко проверить можно, прямо сейчас...

– А когда мать беременная была, в 57-ом, ты же говорил,

что был там. И как-то попал туда.

– Так там же я уже родиться должен был через недели две и значит связь того меня со мной сегодняшним уже была. А здесь, с 48 годом – нет её! Не – ту! Так что давай-ка я это дело сейчас и проверну. Ух, даже голова зачесалась. Так, какое там число-то было? Двадцать второе...

– Вов, давай уже на завтра перенеси это дело. Вечер, поздно всё-таки.

– Что такое поздно, по сравнению с мировой революцией! Смотри, там я буду часа три-четыре, а здесь минуты полторы-две всего пройдёт! Время-то сейчас и девяти даже нет. А может ещё ничего и не произойдёт. Так что попробовать надо. Да и завёлся я уже на эти путешествия. И главное, что никакой усталости и в сон не тянет! Азарт, Нин, это дело серьёзное. Он либо есть, либо его никогда не было! И не будет! Оденусь в то же, в чём в пятьдесят седьмом был. Другого-то, близкого к сорок восьмому, всё равно нет. Деньги старые надо захватить... Жаль документов нет подходящих, на всякий случай надо бы хоть справку того времени какую-нибудь иметь, только где её взять-то! Может отцовы документы тракториста прихватить? Не, не пойдёт. Ну, да ладно, авось всё гладко пройдёт... а, может, ничего и не произойдёт, и никуда я не попаду. Так что эксперимент продолжается.

– Ну, что ты всё как маленький! Вечер уже, и зачем это всё, да и на ночь, глядя, голова кругом идёт уже, а там тоже ночь, если всё это на самом деле. Давай уж до утра отложи,

а утро вечера мудренее.

– Да, кстати, это тоже непонятно, но интересно: почему время все три раза не совпадало? У нас здесь было семь – восьмой час вечера, а там каждый раз по-разному: то полдень, то около двух часов дня, то часам к шести вечера? Интересно! А я сюда возвращался всегда почти в одно и тоже время! Стра-ан-ненько!.. Я, наверное, сотовый с собой возьму, может, и снимаю чего-нибудь, незаметно. Ну, давай так, как всегда... Ты на кухню, а я – пробую! Часа на четыре крутану. Так: 22-06-19-48 и кручу четыре раза, а давай – пять...

Откуда-то сбоку прозвучал уже становящийся привычным и знакомым – лёгкий, тонкий звук, похожий на звук колокольчика – «дзи-нь-нь»!..

... Владимир стоял у забора какого-то дома в узком проулке. Он был опять в Шелаболихе, это можно было определить даже с закрытыми глазами, а самому себе и не надо даже было разъяснять, что это деревня его! Так всё здесь знакомо: по какому-то запаху что ли или по внутреннему чувству, которое есть у каждого, и которое даёт понять, что это твоё, что это родное...

Впереди, внизу, в конце этой улочки, виднелась главная улица – Ленина, она была самая длинная, километра три, не

меньше, начиналась от трассы и заканчивалась недалеко от реки Обь. По обе стороны от неё ответвлялись узкие переулочки: одни в сторону косогора – вверх, другие – вниз, к речушке Шелаболке, как они её называли в детстве, разделившей деревню на две части. Отсюда, с проулка, почти вся деревня просматривалась хорошо. И точно такую же он её видел нынче летом, и, буквально, час назад: те же самые дома, почти не изменившиеся с годами. И только вид противоположной нагорной части не соответствовал сегодняшним реалиям: отсутствовали на противоположной стороне новые дома и здания райцентра. Ну, а если он попал и вправду в 1948 год, то они будут построены только через сорок-сорок пять лет, а сейчас на верху косогора цвёл колхозный сад. И на этой стороне деревни не было видно нового здания больницы и купола церкви, а на её месте стоит Дом культуры. Этот Дом культуры и, вон поодаль от него, кинотеатр «Мир» он помнил ещё с детства. И стояли они годов до годов 98-х или 99-х.

То, что он попал и впрямь в прошлое – было уже ясно и понятно, а вот определить какой это год, это пока было сложно: опять в пятьдесят седьмой или, в заправду, в сорок восьмой? Хотя до этого момента арифмометр не врал! «Ну, что же, пойду в центр к чайной там и определюсь».

То, что происходит с ним сегодня, в четвёртый раз, всё же воспринималось с трудом, но три раза всё прошло благо-

получно, значит и в этот раз должно всё пройти нормально. И, если это происходит, значит «кому-то или для чего-то» это нужно. Смысл происходящего и принцип перемещения, его значение или назначение полностью не воспринималось, непонятно было всё: почему какой-то арифмометр участвует в этом, почему он каждый раз набирает именно те цифры, которые набрал, следуя каким-то «подсказкам»? Откуда эти подсказки? Какая последовательность заложена в них? Непонятно всё, но чертовски интересно и самое главное, что подсознательно он мечтал об этом с самого детства. Ещё пацаном, перед сном, он постоянно выдумывал всякие разные истории и военные, и фантастические с главным героем – самим собой: он десятилетний в партизанском отряде... ходит в разведку..., спасает жителей какого-то села от фрицев..., летит в космической ракете..., путешествует в египетских пирамидах. Но там были его детские фантазии после прочтения книг, которые и рождали эти фантазии, с которыми он засыпал и ему снились разные сны, а здесь другое, здесь он наяву, вот щипнул себя со всей силы за руку – больно! Нет, не сон! Видимо, всё-таки, выбор дат, куда нужно было попасть (странно, но эти слова – «попасть», «переместиться», уже как факт) – был или есть в подсознании, а значит и само перемещение происходит на подсознательном уровне. Только как он, этот «подсознательный уровень» включается и переключается? С помощью какого тумблера? Можно было бы обойтись и одним или двумя перемещениями, но в то-

же время эта невероятная возможность пройти через эти путешествия или проникновения в прошлое может быть временной, и не воспользоваться ей, так ниоткуда появившейся, было бы большой глупостью. Одно успокаивает, что должно быть, наверное, всего два варианта исхода из этих путешествий в случае «закрытия «портала»»: либо я сразу оказываюсь дома, в своём кресле, и всё забываю, либо я застреваю и остаюсь в том времени, куда меня занесло! Как это описывается в фантастических книжках. Ну, второе – это вряд ли! А, если?.. Да, блин! Никаких если! Вернусь и завязываю с этим арифмометром! И всё же я думаю, что он здесь вовсе не причём. Тогда – что или кто? Мыслей куча... Вопросов тьма... Ответов – ноль! Стоп! Мыслей куча... А, что, если это мысль меня перемещает, тумблерок переключается – дзинь! Точно – дзинь! Ладно-ладно...

С этими мыслями он вышел на главную улицу деревни. И увидел ту разницу, которая была не видна ему вначале: деревянные тротуары центральной улицы, которые он видел сегодня же, но в 1957 году, были заметно новее; вместо ветвистых берёз и высоких вётел росли ещё невысокие берёзки и старые вётлы кое-где были спилены, а из их пней тянулись молодые деревца.

От здания сельсовета навстречу ему шли люди, кто парами, кто по трое-четверо под руки, вдалеке играла гармонь, и не одна.

Какой же точно год?

– Дядь, а ты чё на сходе не был, что ли? – Спрашивал его, и смотрел с хитроватым прищуром, неизвестно откуда появившийся белобрысый пацан, примерно лет шести-семи.

– Нет. А что за сход? Я только приехал.

– Да про покосы и про войну. А, на чём приехал?

– На машине сначала, а потом с трассы пешком пришёл.

А ты что сам-то не там?

– Да я к бабушке своей уже сбегал. Рассказал ей про всё, чё там было. Она старенькая, сама не ходит, а знать хочет, что где, да как.

– А что там было? Я тоже хочу знать.

– Ды-к, война же была с фашистами, потом побили мы их, наших деревенских дядей вспоминали! Потом про сенокос говорили.

– А, тебе-то, сколько лет, орёл!

– Мне-то? Я уже большой. Шесть мне, скоро семь будет. А ты воевал? Папку моего сразу не отпускали на войну, мамка говорит, что весной он ушел, а я родился. Папка у меня герой, он знаешь, как воевал! У него и медали есть, целых три!

– А, ну понятно. А ты, чей будешь-то? – хотел спросить Владимир, но оголец быстро побежал навстречу идущим колхозникам, видимо там были его родители. «Надо же, сколько народа много на собрания раньше ходило, такое ощущение, что вся деревня здесь собралась. Так, если пацану шесть, а он родился весной после начала войны, и это со-

брание было о покосе и войне, то значит, получается, что сегодня точно может быть 22 июня 1948 года, наверное! Не может же арифмометр врать, три раза совпало, то почему бы и сейчас не совпасть. И в этой массе людей сейчас можно будет встретить некоторых своих родственников, но гораздо моложе, чем я их знал в своём времени. У меня перед ними одно преимущество: я их знаю по фотографиям, как они выглядели, немного знаю, как жили, чем занимались, а они про меня ничего не знают! Многих уже нет давно, жаль, конечно, но, всё же, очень интересно на них посмотреть молодых. Видимо с годами мы становимся больше терпимее к перенесённым потерям близких и родственников, и главное это то, что у меня нет ощущения того, что я чужой в этом времени! Вот, что интересно! И я обязательно должен узнать с кем дед встретился сегодня, кто его спас и о ком он писал в своём дневнике. Ну, не обо мне же явно! А ещё, если мне удастся с ним встретиться, а я постараюсь с ним встретиться, то надо будет немного расспросить про войну что-нибудь рассказать. Времени, конечно, я накрутил маловато, чтобы многое успеть узнать. Ну, да ладно, что есть, то есть».

Проходившие мимо люди здоровались с ним как со старым знакомым – это было не удивительно: так было всегда, сколько он себя помнил – люди просто здоровались, желая этого или не желая, так было принято. Он тоже, думая о своём, автоматически отвечал на их приветствия, и с интересом

рассматривал их лица. Молодых он не узнавал – в его «сегодня» они уже были либо очень старые, либо их уже не было, а пожилых, если сегодня сорок восьмой, он и тем более не мог помнить, а уж про то, чтобы знать и говорить нечего. Из размышлений его вывел громкий голос с лёгкой хрипотцой.

– О, свояк, смотри-ка! Никак это мой спаситель! Сколько лет, сколько зим! Либо я ошибаюсь, либо это вот он, мой старый знакомый друг-партизан!

Владимир оглянулся по сторонам, не сразу понимая, к кому кто обращается, и о ком говорят.

К нему подходили двое. Это было так неожиданно, но он узнал обоих: один – это был дед Леонтий, его лицо хорошо помнилось по фотографиям, а второй – дед Саша Григорьев, свояк деда. Владимир много лет знал его. Но он был тогда уже старым, а сейчас перед ним стоял ещё молодой и бравый военный в форме сотрудника МГБ.

«Деды!?!.. Ничего себе! Всю жизнь с детства мечтал, засыпая увидеть деда!.. На, тебе! И это уже не смешно! Это вообще – нонсенс! Хотя, сегодня происходящее вообще за рамками понимания! А, посему, будем посмотреть, что там мне ещё сегодняшние «временные выкрутасы» преподнесут! Меня здесь раньше не было, ну просто не могло быть! А дед меня узнал. Это вообще ерунда какая-то получается. Если так получается, значит пусть и дальше получается и бояться не будем, а по сему идём на пролом по событиям и глядим, что нам ещё сны-яви поднесут. Теперь уже и не важно, что и

кто это всё преподносит. Однозначно то, что этого не должно было быть, но есть, а значит – «плывём» дальше!»

Два бравых «деда» стояли перед ним, и точно было то, что они не были галлюцинацией или голограммами!

«Деды!?! – подумал Владимир. – Да, какие же они деды? Они же на все двадцать, а то и тридцать лет, меня моложе! Да, зря я сюда попасть надумал! Перегнул палку, как отец сказал бы. Интересно, а почему дед меня другом-партизаном назвал?.. Неужели, тот о ком написано в его тетрадке – это я? И, каким это образом я мог быть там, в 44-м!? Там у него ни про какого партизана ничего не было написано. А почему я – партизан? Неужели я и там ещё побывал, в смысле смогу побывать? Каким, интересно, образом? Да, дела! И дед смотрит на меня, как на старого знакомого, чуть ли никак на родственника! А, что, я и так ему родной, только ни он и ни я друг друга не видели никогда. Бли-и-и-н, ситуация!.. Они меня знать не могут. Я – кто? Приезжий, и всё! Только вот дед Саша меня точно расшифрует – он же чекист, с тридцатых годов! А у меня никаких документов с собой нет, только несколько трёхрублёвок, да пару червонцев! А ну, как начнёт про войну расспрашивать! Что врать-то буду? Не был, не знаю, не помню, контузия. О, точно! Контузия это то, что нужно: можно на потерю памяти списать... Ладно, деваться некуда – идём в «бурелом»!

– А ты, вроде бы, этот...ну, тот... запомнил малость. После контузии с головой проблемы и непонятки... Подо-

жди-ка... Леонтий, вроде!

– Точно! Леонтий – я! Вот встреча так встреча. Надо же как? Я же тогда думал, что всё – хана мне. А он меня из той воронки вытащил... – Леонтий повернулся, говоря Григорьеву. Потом опять Владимиру: А я тебя частенько, потом, в госпитале вспоминал. Не ты бы, то всё. Не жилец бы был, и сгнили бы мои косточки в ленинградских болотах! Ну, рад, как я рад! Очень рад тебя встретить! Какими путями-дорогами?

– Да, вот, по рабочим делам. Командировочным.

– Это хорошо! Пойдём за встречу по стаканчику пропустим! Вот – встреча так встреча!

Дед Григорьев внимательно слушал и смотрел то на деда Леонтия, то на Владимира:

– А каким ветерком, командировочным, тебя, товарищ, не знаю как по имени, в наши края-то занесло из-под Ленинграда?

– Владимир я. А вот ветерок-то попутный был до Барнаула вначале, а потом уж до деревни вашей...

– Вот, энкавэдэшник чёртов! Чего пристал к человеку с допросами, он мне жизнь спас, а ты тут свои дознания устраиваешь! Пошлите, братцы, в чайную, там и поговорим спокойно за жизнь.

В чайной было также светло и уютно как в том недавнем пятьдесят седьмом: те же столики, показалось даже, что и накрыты они теми же белыми скатертями, и только в откры-

тое окно чуть-чуть заглядывала верхушкой ещё молоденькая берёзка. Войдя, они расположились за столиком возле окна. «Надо же, дед тоже возле окна столик выбрал!»

Владимир чувствовал себя здесь лишним, одно дело он побывал в своём детстве, хотя, и то тоже было аномалией, но совсем другое дело сидеть вот здесь, рядом с дедом, которого он знал только по фотографиям и коротким рассказам родственников.

Из кухни к ним вышла молоденькая официантка, та самая, из пятидесят седьмого года, только сейчас она была стройнее и моложе. «Так вот почему она на меня так внимательно смотрела тогда. Или потом! Невероятно, но получается, что она меня увидела сегодня, и поэтому «потом, тогда» присматривалась вспоминая. Не, так не бывает!»

– Здравствуйте! Что будете заказывать, дядя Лёня?

– Давай-ка нам, дочка, для начала графинчик водочки с капусткой и огурчиками, а потом можно и картошечки поджаристой с лучком! Сегодня у меня прямо праздник, свояк на днях прибыл, а тут вот и однополчанина встретил! Давай-давай, дочка, графинчик, ну и кваску можно тоже.

Владимир смотрел на дедов, а мысли вихрем проносились в голове: «Зачем я здесь оказался, зачем? Правильно жена говорила, не надо было экспериментировать! Неправильно это, неправильно!»

– Владимир, э-э... как тебя по отчеству?

– Георгиевич.

– А, а у меня сын, Георгий. Но мы его Генкой зовём. Так ловчее. Я ведь тогда и имени-то твоего не спросил. А отходили мы тогда, Иваныч, после боя на запасные позиции, и снаряд бахнул прямо рядом возле нас троих. Я, аккурат, с другого края оказался, а двоих мужиков сразу, наповал. Я ещё их потрогал, а потом всё. Очнулся в воронке, ни рук, ни ног не чувствую, глаза еле открываются. Всё серо и в голове гул, во рту сухо, и как сейчас помню, мысли откуда-то издалека и как-то медленно так ползут в голове: «Всё, думаю, отжил». Пашу с Маруськой вспомнил. А потом такая боль в ноге до самой макушки прострелила, а кричать не могу, голоса нет. После как сквозь сон чувствую, что, как будто, по земле меня кто волокёт. И боли, вроде, нет. А пить охота. Дай говорю тому, кто волокёт меня, как мешок, воды глоток. А вот он-то этот и был как раз, кто меня тащил. Да ведь не воды тогда дал-то мне, а спирту. Глаза-то у меня сразу и открылись, и так чисто на небе было, ни тучки, ни облачка и ясность в голове появилась. И жить захотелось. Понял, после спирту, что ещё поживу! А вот ты не помнишь случаем, что я там, в забытыи-то, говорил что, али как?

– Имена какие-то ты всё повторял, я уж не помню, контузия, понимаешь? Но кого-то всё звал, и спирту просил. – Владимир понял тему деда и решил подыграть ему, тем более, что уж дед Григорьев сильно с подозрением сверлил его своим взглядом из-под густых чёрных бровей.

– Во, видишь, свояк? А раз спирту просил, значит, и жить

хотел. Давай-ка ещё по одной за встречу и победу, за то, что живы остались.

Владимир смотрел на этих двух ещё довольно молодых мужиков, прошедших за свою жизнь много испытаний и в Гражданскую, и в коллективизацию, а уж про войну и говорить нечего, навоевались, натерпелись и преодолели. У деда три ранения, и жить-то ему осталось всего ничего, пять лет, до пятидесят третьего! Дед Саша тот ещё почти тридцать пять проживёт. Но они про то не знают, да это и правильно.

Граненые фужеры, видимо, были не менее граммов ста, а то и все сто пятьдесят, но деды их осушали запросто, с удовольствием закусывая хрустящими огурчиками.

– А ты чего не всё пьёшь? – Положив свою широкую ладонь на плечо Владимира, спросил Леонтий.

– Да, желудком маюсь. Да и голова после контузии не позволяет лишку принимать.

– Шпион он! – Коротко рыкнул дед Григорьев. – Они всегда так. Я их за свой век кучу повидал. То желудок у них, то голова... Вот ты сейчас у него документы посмотри. Документы на стол, быстро!

– Ну, ты, Иваныч, совсем в своей службе увяз! Давайте ещё по одной за здоровье наше.

– Нет! Погодь, Леонтий! Пусть он сперва документы свои на стол выложит, а там и поглядим, что есть за груздь!

«То, что я и думал. – Мысли в голове Владимира неслись вихрем, сдобренные водкой. – Хотя водка была приличной,

не чета нынешней! Надо искать быстрый выход, надо! Обана! Я же не могу знать, но знаю, как Григорьева зовут и где он служит! Это выход!»

– Старший лейтенант МГБ, Григорьев Александр Иванович, вам бы не следовало поднимать эту тему относительно меня. Особенно здесь и сейчас.

– Что-о-о! Откуда вам известно...

– Вы, Александр Иванович, в отпуске со своей женой Полиной Ивановной и десятилетней дочкой Галиной. Вот и отдыхайте. Пока.

За столом наступила тишина. Было, конечно, грубо с его стороны так «заворачивать», но по-другому было никак!

Между открытой створкой окна и косяком жужжала муха, видимо, зацепившаяся за заусенец от краски, в кухне чайной журчала вода, и слышалось лёгкое бряцанье перемывающейся посуды.

– Ну, что друзья-однополчане, – Владимир встал, подняв наполовину наполненный фужер, – за встречу! За здоровье и мир в нашей стране! И за расставание! Возможно, мы ещё увидимся. С некоторыми – точно.

Выпили молча. Дед Григорьев понял, что Владимир «их человек», а дед Леонтий хитро смотрел на обоих, с прищуром как на одном из фото.

Времени было мало, Владимир это уже чувствовал. Быстро пожав дедам руки и обняв деда Леонтия, он, положив на стол два червонца, вышел из чайной. Быстро сбежав по

крыльцу и, быстрым шагом зайдя за угол здания, он услышал, как откуда-то сбоку прозвучал знакомый лёгкий, тонкий звук, похожий на звук колокольчика – «дзи-нь-нь»!..

Дома...

03.10.2018г